О. А. Майорова

К 25-летию города Нижневартовска

О. А. Майорова

ГОРОД НИЖНЕВАРТОВСК ОСНОВАЛИ МЫ

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв.№ [illegible]

Нижневартовск
Издательство Нижневартовского педагогического института
1997

ББК 26.89
М 14

Рецензенты: доктор исторических наук,
профессор *Я.Г.Солодкин;*
заслуженный учитель школы РСФСР
В.М.Винокурова

Майорова О.А.

М 14 **Город Нижневартовск основали мы.** — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. — 80 с.

ISBN 5-89988-042-2

В сборнике очерков заслуженного учителя Российской Федерации О.А.Майоровой красной чертой проходит историческая судьба города Нижневартовска и его жителей. Книга дает широкую панораму прошлого и настоящего города, встречающего свой серебряный юбилей.

Для всех, кто интересуется историей г.Нижневартовска.

М 4502020000-005 / 8П4(03)-97 Без объявл. ББК 26.89

ISBN 5-89988-042-2

© О.А.Майорова, 1997.

С любовью и благодарностью посвящаю моей маме — Лидии Яковлевне Евсюковой

ЗАБВЕНИЕ ВСЕГДА НЕСПРАВЕДЛИВО

Нижневартовск — город-новодел

В сегодняшней России таких городов, как Нижневартовск, много. Как человек, совершивший нечто героическое, город имеет двойную фамилию: Нижне-Вартовск.

Городов, подобных ему, на Оби двенадцать. Кто-то из них довольно зрел: Сургут, Салехард (им более четырехсот лет), а кто-то совсем юноша: Нижневартовск, Лабытнанги.

Города — это большие организмы, которые рождаются и умирают. И хотя строятся они по самым современным по замыслу планам, их не обходят серьезные проблемы. Одна из неюридическ нравственного плана — проблема историчности города, историчности его населения. Патриоты ли мы своего города? Прародители дали название городу, а знаем ли мы, что это означает? Давая название улице, с любовью ли мы это делаем? Можно понять отцов, дававших «имечко» своим чадам — Октября, Энгельсина, Форд. Они жили на сломе эпох... А историчны ли названия улиц — 60 лет Октября, Менделеева, Мира? По традиции во всех городах бывшего СССР нынче должны появиться улицы типа «Десять лет перестройки» и т.д.

Увы, мы оказались равнодушны и слишком наивны. Чувство патриотизма оказывается реально существующим, живущим там, где народ (население) насчитывает десять поколений предков. Оно не успевает сформироваться за одно-два поколения.

В город-новодел стекаются жители окрестных мест. Многие приезжают издалека, с «Большой земли». Уже у первых отрыв от родной почвы заметен, но у вторых он почти абсолютен. В общей массе жителей численность местных жителей оказывается совершенно незначительной. Опыт здешнего народа растворен, размыт и незаметен среди массы переселенцев.

...1972 год. О Самотлоре уже знала вся страна. Его называли сибирским сфинксом, чудом века, нефтяной жемчужиной.

Выступая в морозное январское утро перед студентами области, Ф.К.Салманов, первооткрыватель тюменской нефти, вдохновенно закончил свое выступление: «Да здравствует Тюменская нефтяная коммунизма!»

Прошли быстротечные студенческие годы, и молодые дипломированные специалисты приехали в Нижневартовск, весной утопающий в белом цвету рябин, зимой — в снегах, осенью — в золоте берез.

Город получил второе дыхание.

Исторический фон Нижневартовска

Если взять территорию, примыкающую к городу, т.е. 20—30 км от его границ, то исторический фон здесь замечателен и сделает честь, быть может, любому уголку России.

Нижневартовск еще не получил статус города, а памятник первопроходцам уже был воздвигнут. Первая нефтяная скважина находится на всемирно известном Самотлоре.

Памятник представляет собой прямоугольную стальную колонну. Выгравирована надпись: «Первая скважина Самотлора. 1965 г.». Рядом установлена Доска почета с именами первооткрывателей Самотлорского месторождения. Здесь, на 25-м километре от Нижневартовска, в 1965 году из скважины «Р–1» бурового мастера Г.Норкина вырвалась первая самотлорская нефть. За последующие годы выросла и возмужала целая плеяда прославленных буровых мастеров: Геннадий Левин и Георгий Еремин, Григорий Петров и Анатолий Шакшин, Максим Сергеев и Владимир Громов, Степан Повх и другие.

Первая скважина — памятник и тем, кто первым ступил на эту землю в эпоху шестидесятников-романтиков. Формула романтизма тех лет — работа плюс увлеченность. Константин Лагунов, наш сибирский прозаик, пишет в книге «Жаркий Север»:

—... 1964 год. С баржи, приткнувшейся к лесистому безлюдному берегу Оби, вслед за Хлюпиным спрыгнули инженер Хуснутдинов и бурильщик Повх, помбур Колесниченко и вышкомонтажник Овиход и еще 25 человек. Истомленные долгим, нудным переездом, люди еще не огляделись, как раздался голос Хлюпина: «Засучай рукава, ребята, давай разгружать!»

Дорога, на которой стоит стелла, упирается в озеро Самотлор, вернее сказать, пробивается сквозь него и выходит на Белозерское месторождение.

Иван Иванович Рынковой, первый заведующий самотлорским нефтепромыслом, вспоминал в 1978 году: «Теперь за сорок минут доезжают, а в шестьдесят девятом мы на Самотлор месяц пробивались. Вместе с техникой. Была зима. Стрелы у экскаваторов лопались от мороза, солярка замерзала. Было чертовски трудно. А ведь прошли» (См.: Дементьев И. На земле Тюменской // Известия. 1978. 7 июля.).

О героях Самотлора написано много, а вот о самом озере, его топониме очень скупо. Названия многих протоков, еганов (ре-

На трассе нефтепровода «Самотлор — Альметьевск». *Фото Ю. Фигатова*

чек), названия населенных пунктов и озер при произношении в русской транскрипции претерпели такие искажения, что сейчас очень трудно, а иногда просто невозможно найти истинное звучание топонима. Ошибочно объяснение — «Мертвое озеро». Как раз им оно никогда не было, не промерзало насквозь.

Мало кто знает, что на языке ханты это озеро называлось Самотлар. И в старину вартовчане его сравнивали с ларем, который открывается сам. А в ларе чего только нет! Особенно рыбы великое множество.

Павел Карпович Ситников — старожил Нижневартовска, учитель, человек, проработавший много лет в органах власти района, редактором газеты «Ленинское знамя» (ныне «Местное время»), в своих воспоминаниях о прожитом коснулся и темы топонимов Севера (См.: Ситников П. Чтобы не исчезло из памяти // Югра. 1994. № 2.). В статье Павел Карпович пишет, что в хантыйском языке сложные слова произносятся и пишутся без соединительной гласной, поэтому правильно произносить следовало бы «Самлор», а еще правильнее — «Самлар», т.к. в хантыйском словаре нет слова «лор». А есть слово «лар», то есть «сор» (низкое затопляемое во время наводнения место).

Некоторые считают, что озеро следует называть «Самлар», т.к. на языке ханты слова «са» и «сэ» означают: в первом случае — «сердце», во втором — «чешуя». Таким образом, прославленное озеро переводится как «сердце сора» или «чешуйчатый сор». Старожилы помнят, что до прихода геологов местные жители всегда называли озеро Самлар (разговорное — Самотлор).

Природа Севера — суровая, но прекрасная

Говоря об историческом фоне Нижневартовска, следует сказать и о близнаходящихся селениях по реке Вах (до Ларьяка). До недавнего времени было их пятнадцать (60—70 годы), сейчас осталось семь, из них три вновь возникших. Исчезли Малая Тархов, Пылина, Соромина, Кирилкина, Малый и Большой Лобазъеганы, Люкпай.

Волна переименований накатилась и на Югорскую землю. Деревня Савкина стала Излучинском, деревня Максимкина — Ваховском, поселок Вартовск — Вампуголом.

Топонимы — своеобразные памятники. Сколько их уже ушло в небытие! Нам, горожанам северной земли, грозит опасность остаться без реальностей прошлого...

Три красивые легенды

Три рассказа краеведческого плана бытуют у нас издавна. Рассказы эти можно назвать местными легендами.

Первая версия названия селения Вартовск: Варта — излучина реки. Действительно, город стоит на изгибе русла Оби. Но топоним Вар явно не славянский. Так, река Варьеган, что в Сургутском районе, в переводе с хантыйского — запорная речка. Вар — деревянная преграда рыбе, выходящей по весне из таежной речки. Еган, Югая — река.

Если же взять топоним Варта, то он относится к славянским языкам (западно-славянская группа). В Польше есть река Варта, самый большой правый приток Одры. Название означает: караул, стража (пограничная).

Вторая легенда — красивая, но вызывает сомнения. Вартовск — ворота. Вот только куда? Тюмень, столицу области, действительно называют «воротами Сибири», что исторически обосновано.

Третью легенду можно рассказать только потому, что в «донефтяные времена» многие жители в нее верили.

Тысячелетиями в этих местах шумела тайга. Ханты, ненцы, русские, населявшие берега Оби, Ваха, ловили рыбу, охотились, собирали кедровые орехи, ягоды, грибы. Реки, озера кормили всех, невзирая на национальность. Колесо изобрели явно не северяне, да и зачем оно в наших дебрях? А вот лодку вполне могли! Особенно обласок. Старожилы еще помнят дым, валивший из огромных, чуть поменьше и совсем маленьких котлов. В них варили гудрон. Черная смолистая масса, в народе — вар, использовалась главным образом при изготовлении и ремонте лодок. От глагола «варить» и произошло название селения. Так думали в старые времена.

Сколько нам лет?

Как и все сибирские северные города, Нижневартовск возник на месте древнего поселения. Упоминание о Вартовске встречается в различных источниках более чем двухсотлетней давности. Часто из прошлого мы выхватываем то, что не утратило оптическую резкость в данный момент. В тени забвения остаются интересные страницы истории. Любое забвение несправедливо.

О возможности исчезновения старых топонимов свидетельствует исчезновение названия Вартовск, хотя само поселение существует до сих пор. На географической карте есть Нижневартовск и Верхневартовск (Александровский район Томской области).

Одно из старинных упоминаний о Вартовске мы находим в книге «Тобольская губерния», том 60. Это список населенных мест по сведениям 1868—1869 годов. Книга издана Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел в Екатеринбурге в 1871 году.

Просматривая книгу, можно «прокатиться» по всем сибирским трактам, отсчитывая версты от самого Санкт-Петербурга или от губернского града Тобольска.

Конечно, читателю будет интересно узнать, что представляли в те далекие времена наши места? Какими были земли по реке

Оби, правому притоку — Вэху, левому — Агану? Все селения по Оби, Вэху, Агану, Меге, Чехланею?

Сейчас многих пунктов нет, изменены названия, и интерес к описанию того времени исчезает.

Даже самые сухие цифры, если подумать над ними, составят вот такую картину.

Нижневартовск в книге не упоминается, но места эти мы находим под названием «Вартовские юрты остяцкие» — при протоке Чехланее близ Оби от города Сургута — 264 версты (верста — 1,07 км. Современные данные — 260 км по реке). Было тогда в Вартовске 12 домов, население: мужчин — 39, женщин — 42. Имелся казенный хлебный магазин. Вартовские юрты — это предок нашего города.

Вернемся к топонимике. В 1909 году на невысоком правом берегу Оби, напротив старого села Вартовска (оно находилось на левом берегу и теперь называется Вампугол), была построена пристань, где пароходы запасались дровами. Хозяином пристани был купец Рязанов. Вот откуда пошло название речки Рязанки. Эта пристань, расположенная в районе нынешнего РЭБ флота, и носила название Вампугол (Вампугольск в русской транскрипции). Село на берегу Вампугольской протоки.

Многие годы существовал Вампугольский сельский Совет, в административном подчинении которого были все населенные пункты, в которых проживали ханты. Центром Совета был Вартовск.

Шли годы... Вомпугольск исчез, а название Совета сохранялось и тогда, когда в его подчинении были уже другие населенные пункты. В то время, в конце шестидесятых годов, переименовали Вартовск в Вомпугольск и присвоили ему статус села (См.: Ситников П. Чтобы не исчезло из памяти // Югра. 1993. № 1.).

Решение было явно непродуманным, внесло путаницу. Сейчас мало кто знает, что «камень городу» был заложен на другом берегу Оби. Старый Вартовск — продолжение истории небольшого села под названием Вартовские юрты остяцкие.

Читатель спросит, почему юрты? Да потому, что земли эти принадлежали хану Кучуму, мудрому, великому, богатому, хитрому, что властвовал здесь многие годы. Столица его ханства — Искер (земли тобольские). Завоевал же эти земли сибирские, что на реке Оби, Ермак Тимофеевич, который силой оружия проложил в Сибирь широкий путь для русской государственности. Волна народного переселения распространилась на всю Сибирь до берегов великого океана.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ УЛИЦ

Есть улицы центральные,
Высокие и важные. <...>
А мне милей непумные,
Милей одноэтажные.

(Ю.Антонов.)

С книгой, интересной и увлекательной, можно сравнить весь комплекс названий улиц и площадей города. И страниц в этой книге более пятидесяти — столько внутригородских названий помечено на карте Нижневартовска.

Давайте же откроем прежде всего страницы, которые представляют собой названия улиц, переулков, а также рассказывают о жизни обитателей Старого Вартовска.

Что такое Старый Вартовск?

На географической карте такого названия нет. Это топоним местный, как говорится, слова народные. В начале 70-х годов Старый и Новый Вартовск разделяли непроходимые болота, особенно в распутицу. Сообщение было по реке или вездеходным транспортом, а также по трубе-водоводу большого диаметра, шедшего с реки Вах через Старый Вартовск в Новый. Сейчас, когда городу двадцать пять лет, Старый Вартовск можно назвать Нижневартовской слободой XX века.

Старая часть города. 60-е годы

Кто же населял эту «слободку», чем занимались ее обитатели? Не обращаясь к архивным документам, а опираясь на названия селения и его улиц, представим себе картину «жития» вартовчан.

Как уже было сказано, столетия назад поселение при протоке Чехланее близ Оби называлось Вартовские юрты остяцкие. Если считать «вар» — деревянная преграда рыбе, то можно сделать вывод: основное занятие — рыбная ловля. Слово «юрт» (тюркское) — семья или род, ведущие самостоятельное хозяйство, или

владения рода — наводит на мысль, что селение подчинялось хану сибирских татар, платило ясак рыбой, пушниной.

Термин «остяки» появился в XVI веке, летописи же упоминают хантыи манси под единым названием «югра — угра» много раньше, 900 лет назад.

Народностям ханты и манси было известно кузнечное и литейное дело. Железо выплавляли из болотной руды в небольших печах, где слои руды чередовались со слоями древесного угля.

Посуду лепили вручную, без гончарного круга. Угры знали и ткацкое дело. Крапиву мяли, чесали и пряли в нить. Позже, когда из России стали поступать ткани, посуда и железные изделия, эти промыслы исчезли.

Конечно, охота, сбор дикоросов — вечные занятия жителей этих мест. Вокруг Вартовска на тысячи километров раскинулась урманная тайга с множеством зверья и птицы. Ближе к осени туесами и ведрами собирали бруснику, крупную багряную клюкву.

Шли годы. Не одно переселение пережили вартовчане. Но от Оби ни на шаг! В 20-е годы дома из крупного соснового леса стали выстраиваться в линии. Но улицы еще долго были безымянными.

Революция, гражданская война, коллективизация, индустриализация — все было в Старом Вартовске. Об этом говорят улицы, вернее, их названия.

Надо сказать, что наименования улиц и переулков старого города несут четкую историко-топонимическую нагрузку. Старый Вартовск имеет то, чего нет и вряд ли будет в новом городе — переулков. А в Старом Вартовске четыре улицы и шесть переулков. Улицы расположены параллельно берегу. Первые улицы: Первомайская и Октябрьская — «законные», но обезличивающие топонимы. Но и как во всех городах и селах страны, эти улицы были нарядными не только в праздники. Они шумели, гуляли и в другие дни. Старожилы вспоминают масленицу, когда зима чуть сдает свои позиции. Съезжались гости на тройках с бубенцами. Запрягая оленей, на русский праздник приезжали рыбаки и охотники. Начинались соревнования, в том числе, и гонки на оленьих упряжках и на тройках лошадей, национальная борьба и прыжки через нарты.

Из бездонных мешков рыбачки вытаскивали мороженую нельму, муксуна, тут же разделывали острым ножом, превращая в тонкую стружку...

Две другие улицы — Лопарева и Зырянова — названы в память исторических лиц, чья жизнедеятельность была связана с территорией, занимаемой ныне городом.

«Период с 1918 по 1921 год — кровавое время. Крестьяне недовольны политикой продразверстки. Свирепый террор, поборы, грабежи населения со стороны колчаковцев, вынуждают к самозащите, вооруженному сопротивлению массы людей, дале-

Теплоход «Антонин Зырянов». Дочь А.Зырянова — третья слева

ких от политики. Здесь разыгралось одно из трагических событий. Когда отряд Антонина Зырянова под натиском неприятеля прибыл в Вартовск, один из местных жителей, некто Мартемьянов, в упряжках отряда подрезал гужи, и отряд не смог двинуться дальше, был окружен и уничтожен» (Ситников П. Чтобы не исчезло из памяти // Югра. 1993. № 1.).

До Советской власти в этих местах земледелием не занимались. Первые посевы на отвоеванных у тайги полях были проведены в конце 20-х годов. В 1930 году в Нижневартовске создали колхоз. Сеяли зерновые, овощи, картофель.

В начале второго десятилетия XX века сюда, в таежную глухомань, прибыли люди рода Ламбиных. Судьба этого крепкого сибирского семейства достойна отдельного рассказа.

А вот именем Лопарева названы улицы в городах Тюмени, Тобольске, Ханты-Мансийске, Нижневартовске. Многим он известен как талантливый организатор и руководитель партизанского движения на Обском Севере в годы гражданской войны.

Юрий Прибыльский, доктор исторических наук, в статье «Патриот Севера» дает полный портрет этого замечательного человека.

Минуло 150 лет со дня рождения и более полувека со времени насильственной смерти Платона Ильича Лопарева — сроки, позволяющие судить о масштабности его личности.

Фамилия указывает на вероятную принадлежность его предков к этнической общности Севера — к лопарям или саамам. Родовое гнездо — Самарово. Дядя — Хрисанф Мефодьевич Лопарев — ученый, государственный деятель России. Его можно назвать Ломоносовым Севера. Выучился на деньги, выделенные торговыми людьми. Проделал путь от Тобольска до Петербурга.

Если б не война да не зловещая пучина НКВД, быть бы племяннику Хрисанфа Лопарева великим ученым. С его именем связаны ценные почины 20—30-х годов, развитие кооперации и краеведения, становление пушного звероводства, собирание фольклора народов Севера. Работал в кооперации, Обърыбтресте, директором Обско-Тазовской научной рыбохозяйственной станции.

Тридцать седьмой год — Платон Лопарев арестован. Год смерти неизвестен, реабилитирован в 1957 году.

Все четыре улицы пересекает переулок Трактовый. Топоним местный, сформирован во времена существования поселка. Название появилось логично и оправданно. Переулки Больничный, Кооперативный, Рыбников явно названы по производственному признаку. Эти топонимы, безусловно, удачные, имеют солидный возраст. Улица Заводская, названная, видимо, «в честь» молокозавода, относится к этому же разряду. В старой части жили и живут представители самых разнообразных профессий.

Мы перевернули всего несколько страниц необычной книги, которую образуют названия улиц старой части города. Но если улицы — это артерии города, то сердце и разум его — наши люди. О них, о старожилах, рассказ в следующих очерках.

ХРАНИТЕЛИ ТАЙН

Как нумизмат, я прав вполне.
Пускай иной в том видит странность —
В монетах, в женщинах, в вине
Я высоко ценю сохранность.

(Журнал «Старая монета». 1910 г.)

В каждом человеке живет страсть к собирательству. Порой эта страсть захватывает человека целиком, становится его второй профессией, тогда из простого коллекционирования вырастают такие явления, как Третьяковская картинная галерея в Москве, музей в Тюмени, основателем которого был П.А.Словцов, или музей в Нижневартовске, созданный на основе краеведческой коллекции преподавателя истории Д.Шувева, ныне почетного гражданина города.

Неугомонное племя искателей! Одни собирают марки, значки, автографы, другие — самовары, третьи — открытки, фантики, четвертые — пословицы, афоризмы...

Коллекционеры не только возбуждают интерес к своим экспонатам, но и помогают сохранить память обществу о его корнях, эпохе. Кто-то как реликвию хранит первый авиабилет «Сургут — Нижневартовск», а кто-то — продовольственные талоны начала 90-х годов.

И отмечая юбилей Нижневартовска, историки внимательно изучат эти цветные кусочки бумаги, по которым продавали по норме сахар, мыло, винно-водочные изделия, и напишут увлекательные страницы сладкой и горькой жизни нижневартовцев, покорителей великого Самотлора.

Через нижневартовское общество коллекционеров прошли сотни людей, которые свободное от работы время посвящают увлекательному и полезному делу. Многие из них обладают уникальными коллекциями, имеющими огромную культурную ценность и представляющими большой интерес.

Энциклопедией российских городов можно назвать коллекцию значков Н.Н.Костенко. Немалое экспонатов посвящено любимому городу Нижневартовску. Каждый экземпляр не что иное, как частица истории, доблести, отлитая в металл.

Как в капле смеси, отражается национальная культура, история, экономика государства в монете. Своим авторитетом нумизматы города назовут Павла Тимофеевича Московкина — энтузиаста, эрудита, знатока истории Севера,— который может поставить «диагноз» монетам всех времен и стран. О многом может поведать и старожил Нижневартовска, известнейший в нашем

городе врач Владимир Аркадьевич Трапезников, которому тоже свойственна эта «болезнь» — нумизматика.

Филателия — увлечение века, так считают многие. Ее рождение относят к началу шестидесятых годов прошлого века. По одной из версий, в Англии стали собирать марки после того, как

в Лондоне было заключено пари, по которому один из спорящих обязался в определенный срок собрать большое количество почтовых марок. Со временем в это увлекательное занятие втянулось много людей.

С чего же началось у нас? Когда? Об этом расскажет Александр Аркадьевич Мазур, житель Нижневартовска с января 1977 года, член клуба филателистов с февраля 1977 года. В 1978 году он был избран членом правления, а с 1989 года — председателем правления городского отделения Союза филателистов России. «Всякое собирательство зовет к постоянному поиску,— говорит Александр Аркадьевич,— но не всякое несет столь разнообразную информацию, так обогащает знаниями, укрепляет дружеские связи, как филателия. Ей все возрасты покорны».

Как спортсмену необходима товарищеская поддержка его команды, так и коллекционеру не обойтись без помощи товарищей. Поэтому в 1973 году, ровно через год после присвоения Нижневартовску статуса города, было создано нижневартовское городское отделение Всесоюзного общества филателистов. У истоков его стояли истинно увлеченные люди — К.И.Нестеренко, П.Т.Московкин, Б.Л.Барский, С.А.Сергеева и другие.

Многих из них уже нет с нами, но городское отделение, созданное ими, работает и поныне. Много мест поменял клуб за время организационного периода — собирались в помещении клуба им. 50-летия ВЛКСМ, в горкоме комсомола, пока на много лет — с 1978 до середины 1996 года — постоянным местом встреч не стал ДК «Октябрь» (НЦКИ). Следует добрым словом вспомнить администрацию ДК, его методистов по клубной работе С.Ведалеву, У.Таджитдинову, оказавших большую помощь в работе клуба.

Кружком юных филателистов в школах руководил до 1977 года Н.Ф.Арефьев, а в 1978 году был создан кружок при нижневартовском доме пионеров. Руководил им А.А.Мазур, а с 1983 года — Ю.Б.Константиновский.

Снабжение марками шло по линии райагентства «Союзпечать», начальник которого Т.И.Зайцева оказывало клубу большую помощь по абонементному обслуживанию через магазин «Кругозор». Многие годы председателем правления городского отделения был энтузиаст своего дела Н.Н.Глызин. Активную работу вели В.В.Постовалов, М.Д.Мершон, П.Т.Московкин, Г.А.Занько, О.С.Орловский. За прошедшие 24 года наше отделение знало разные периоды. Временем его расцвета можно по праву назвать восемидесятые годы, когда сюда приходили до 220 человек взрослых и до 100 юных филателистов, многие из которых со временем стали грамотными коллекционерами.

Наши представители принимали участие в IV и V съездах ВОФ в Москве, в областных конференциях в Тюмени. Устраивали отличные городские выставки. А член клуба А.И.Приходченко участвовал даже во всесоюзных. Юный филателист Владик Зорин

Коллекционеры г.Нижневартовска

побывал в «Артеке» на III Всесоюзном сборе юных филателистов. На встречи клуба стали приходить коллекционеры и других направлений — нумизматы, фалеристы и др.

С развалом Советского Союза Всесоюзное общество филателистов было ликвидировано и организован Союз филателистов России (СФР), в который вошло наше городское отделение. Оно получило статус окружного, так как в других городах округа местные отделения либо развалились, либо не вели активной работы и дали свое согласие на представление интересов коллекционеров Ханты-Мансийского автономного округа в СФР Москвы нашему отделению. Сейчас коллекционеров стало меньше — многие просто лишились средств на приобретение свежих материалов, значительно подорожавших, у кого-то появились новые «рыночные» интересы и т.п.

К середине 1996 года численность членов клуба сократилась до 30 человек, но клуб все-таки выжил. Была восстановлена абонементная система обеспечения марками России, и огромную помощь в этом оказала начальник Нижневартовского узла Федеральной почтовой связи Л.Г.Шморгун.

После ликвидации ДК «Октябрь» пришлось искать новое место для встреч коллекционеров, и их приютил директор кинотеатра «Мир» Н.Б.Ротарь.

В АДОВОМ КОТЛЕ ИСТОРИИ
(Рассказ об одной судьбе в письмах)

Нужно понимать.
Нужно помнить.
Нужно знать.

(Н.К.Рерих. «Зов»).

В декабре 1992 года газета «Сибирский тракт» опубликовала статью А.Петрушина «Господа офицеры, но совсем не князья» о страшном 1937 годе в жизни сибиряков. 3 июля 1937 года секретарь Омского обкома ВКП(б) Д.Булатов получил приказ «в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу антисоветских элементов». Вскоре Ежову доложили: «...Проведенной ударной работой арестовано всего 3008 человек, из них 398 уголовников. Операция в отдаленных районах продолжается. Пока не затронуты Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский округа, где операция будет проведена только по беглому русскому кулацкому элементу, осевшему в населенных пунктах реки Оби. По коренному кулацкому активу, проживающему в непроходимой в летнее время тундре, считаю целесообразным провести операцию зимой, когда болота замерзнут. О вскрытых в результате общего стахановского подъема оперработы нескольких крупных делах — отдельный доклад».

Одно из таких «дел» — аресты бывших офицеров. Всего сорок шесть человек. В основном, прапорщиков, подпоручиков. Все они из «простых»: дети мещан, крестьян, ремесленников, мелких чиновников. Офицерами их сделала первая мировая война. Дальше А.Петрушин подробно, опираясь на документы, поведал о том, что за люди были арестованы и брошены в адовый котел истории. Их расстреляли, сослали в лагеря только за то, что когда-то они носили офицерские погоны.

Первый шаг к страданиям и смерти они сделали сами, в 1915 году, добровольно, поступив в Казанскую, Омскую, Иркутскую, Гатчинскую школы прапорщиков, чтобы через три месяца подготовки пойти на фронт.

Война — всегда страдания. Но жить после войны и не радоваться солнцу, вставать затемно и возвращаться в барак — страдания не меньшие.

Уничтожает документы не только стихия, их уничтожает и время, и власть. Но не подвластны ни огню, ни воде домашние архивы, где хранятся весточки родных: открытки, письма, записки, документы, удостоверения личности.

Какова судьба тех бывших офицеров, чьи погоны были далеко не золотыми? Что постигло тех, кого не расстреляли в подвале Тюменского отдела НКВД?

Вот судьба одного из списка по «делу» офицеров: это мой дядя, закончивший в 1915 году школу прапорщиков в Иркутске.

Рылов Владимир Алексеевич был сыном потомственных крестьян, приехавших в Сибирь в 60-е годы XIX века из Вятки. Первая мировая война. Письмо первое, написанное 29 октября 1915 года:

Владимир Алексеевич Рылов

«...Юлк, поставайся учиться без двоек, чтобы маме и папочке было легче, а то у них и то горя, и беспокойства много, утешьте хотя вы их. Я еще не знаю, увижу или нет Тюмень и всех вас. Может, когда поеду на войну?».

Письмо второе. Брату.

«Здорово, Арсений! Мы идем в бой! Куда — неизвестно. 20 мая (буду жив) пошлю опять весточку. Пока до свидания. Что случится, если поранят, напишу тебе, а ты домой. Володя».

Письмо третье. Записка. Найдена через 10 лет в подсвечнике. «Мама и папочка! Не беспокойтесь. Меня забрали. Какая-то ошибка. Обязательно разберутся. Вернусь живым и здоровым. Ваш сын Владимир». Не разобрались.

Письмо четвертое. «Здравствуйте... посылочку получил, спасибо. Ждал сахарку, в нем я очень нуждаюсь или конфетах... а так всего хватает. Я нахожусь на глухом разъезде в лесу, живем в палатках. Станция в семи верстах, туда ходить не приходится, помаленьку работаю. Тепло. Скучновато. Конвертов нет. Что дома? Напишите, серьезное или несерьезное случилось с братом? Пишите же! 19 мая 1932 г.».

Письмо пятое. Самое большое. 10.10.33 г. Карандашом. Станция Ксеньевская, Забайкальская ж.д. Почтовый ящик 1.

«...Пишу письмо, дежурю по штабу, не сплю. Редко бывают вот такие свободные минуты, работы очень много. С 9 часов утра и до часу ночи. Скоро зима, и поэтому идут штурмы, ударники и т.д. как на трассе, так и в штабе. У нас стоит удивительная пого-

КНИЖКА
ударника—путеармейца
Ударнику — ударные льготы
КНИЖКА УДАРНИКА

да, солнышко... Только вдали на горах снег.... Только в эти часы поразумаешь над своим житьем-бытьем, а ночью, после 14 часов работы, спишь как убитый. Сейчас я подумал, что за эти годы я отстал от жизни, от жизни большого города, где есть и хорошие книги, интересные картины и театр... Наша рабочая сила вся брошена на постройку вторых путей... работают сейчас рабочие, которые построили Беломорский канал, и начальство оттуда же. Дела идут такими же боевыми темпами, как шли и там. А все же не пишется об этом, а хочется писать и знать, как вы живете, ведь зима уже наступает, есть ли у вас дрова?

О себе я не пишу. У нас есть приличная столовая, где кормят ладно... дают много селедки.

Жаль тетку... очень жаль. Но ведь это участь многих. Так пишите же все, все.

До свидания. Ваш Володя. Целую».

Мы привыкли читать: «...Без права переписки». В том-то и дело, что имел такое право Рыдов Владимир Алексеевич. И может быть, читатель, для тебя это будет новая страница из жизни репрессированных. Он был ударником-путеармейцем Байкало-Амурского исправительно-трудового лагеря ОГПУ. «Ударнику — ударные льготы»,— написано жирным шрифтом на второй странице книжки ударника. А на первой, вверху: «Труд в СССР — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства». Внизу: «Через ударный Труд на стройке БАМа — к возвращению в семью строителей социализма». Книжка выдана под № 4504 14 июля 1934 года. Графы: производительность труда, рационализаторские предложения, участие в кружках, поведение — не заполнены. Зато на каждой страничке — памятка. Например: «БАМ — детище второй пятилетки — пятилетки построения бесклассового общества», «Только тот рвет со своим прошлым, кто отдает свои силы строительству БАМа». А также Ереминым, начальником управления БАМЛАГа, утверждены: положение о книжке ударника, условия для получения звания ударника, обязанности и права. Обязанностей десять, прав восемь.

Что же лагерник-ударник мог и обязан был делать? Третья обязанность: бороться методами общественной работы за осуществление шести условий товарища Сталина на стройке. Должен участвовать в буксировке отстающих, быть всегда опрятным и чистоплотным. Права: получение дополнительного премиального блюда, бесплатное получение двух фотоснимков за год... Самое первое право — политическое: право на получение льготного зачета рабочих дней согласно приказу № 51 (два дня срока за день работы для лагерников, не лишенных избирательных прав до осуждения, и три дня работы для лагерников, лишенных избирательных прав до осуждения).

Дар судьбы — избежать расстрела. Короткая, пусть без срока, но жизнь. Жизнь с надеждами освободиться, заняться интересным делом, встретить ту единственную женщину... Но всему этому

ОБЯЗАННОСТИ

ПРАВА

не суждено было сбыться. Не дожил до холодного 1953 года Владимир Алексеевич Рылов. Умер, а быть может, погиб в конце тридцатых — начале сороковых. Письма шли недолго. Не помогло и звание **ударника социалистического** труда. А в семье **ждали возвращения** до конца 50-х. Реабилитирован. Вина не указана.

Вот такие бывают печальные, **жестокие источники истории** Отечества в наших семьях.

БОЛЬ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА

1978 год. Шестая школа. Знакомлюсь с Надеждой Серафимовной Биятовой, завучем, учительницей истории. Редкое церковное отчество. Сразу подумалось — из ссыльных. Разговор состоялся много позже... И я удивилась правде. Правда оказалась страшной, объемной.

Любовь — всему начало. В семнадцать лет Меринова Анна Петровна вышла замуж за Седых Серафима Адамовича, сына священника. Жили они тогда в деревне Бочкаревке Новосибирской области. В 1920 году после смерти отца семью (мал мала меньше, всего 9 человек) выселили из поповского дома.

Продав холсты, корову, купили маленькую избушку. Один безродный дед предложил молодым Анне и Серафиму полдома. Небольшое хозяйство да дом, вернее, его пятая стена (пятистенник — признак богатства), и послужили причиной раскулачивания. Серафима Адамовича отправили в Прокопьевские рудники, а его молодую жену с двумя детьми, не дав попрощаться с родственниками и что-то взять с собой, посадили на телегу и повезли до реки Оби. Восемьсот человек в закрытых трюмах везли на Васюганские болота.

Надежда Серафимовна, родившаяся уже «на выселках», уточняет, что это был последний из лагерей ГУЛАГа, который описал А.Солженицын.

Историческая справка:

В 1930 — 1932 гг. в Остяко-Вогульский округ прибыло около 37400 раскулаченных крестьян (См.: Прибыльский Ю. Спецпереселенцы // Тюменская правда. 1988. 14 декабря).

Людмила Кондрашова, исследуя вопрос крестьянской ссылки в Остяко-Вогульском округе в 30-е годы, приводит архивные документы, которые раскрывают самые трагические страницы истории края. «В 1931 году председатель окрисполкома Я.М.Резин четко определил задачи государственных и партийных органов власти по отношению к ссыльным крестьянам: «Эти спецпереселенцы, бывшие кулаки, решением партии и правительства направлены на Север после раскулачивания... Одновременно мы должны использовать их для колонизации громадных неосвоенных просторов Севера, используя их как рабочую силу для экономического возрождения села».

Надежда Серафимовна, волею судьбы ставшая историком, продолжает свой рассказ:

— Когда баржа приближалась к поселку, наглухо закрывали трюм. В дороге умерли старушка и маленький мальчик. Хоронить не разрешали. Из досок от телеги сколотили гроб, туда положили старушку и мальчика. Гроб оставили прямо на берегу...

Путь окончен. Высадили людей на безлюдном берегу. С собой были взяты топоры, пилы. Стали рубить лес, делать землянки. Жили в общей землянке, спали вповалку все вместе на нарах.

Наступили холода. Эпидемия тифа, цинги, воспаление легких. Так прошло 9 месяцев, в течение которых мама не поднималась. Однажды, когда все ушли в лес, она выползла из землянки, потеряла сознание и пролежала ничком трое суток. Когда ее нашли, перевернули, пошел пар. Пролежни от корней остались на теле на всю жизнь. Не было никаких лекарств, ни о какой медицине не было и речи.

Анна Петровна Седых (Меринова).
Фото из домашнего архива

Прошел на Васюгане год. Из 800 осталось 300 человек.

Дальше Надежда Серафимовна пишет от своего имени. Рассказы родителей врезались в память на всю жизнь.

— Папа узнал, где находится мама. Ему удалось сбежать. Пятнадцать суток плыл на обласке по таежным речкам, разыскивая маму. Никто уже не думал, что она останется жить. Но молодость и желание жить победили... С маленьким узелочком, обритая наголо, вместе с папой в 1931 году приехала она в Нижневартовск. Завербовались на рыбозавод. Жили на квартирах, в углу за занавеской, сараюшке без крыши (скотной).

Долго об этом можно говорить: как их (ссыльных) боялись, относились с недоверием, как мама с чашкой ходила и просила немного картошки, чтобы посадить на своем огороде.

Умели трудиться, поэтому и здесь не пропали. Обзавелись своим хозяйством. Спасибо рыбозаводу, который безвозмездно дал нетель и лошадь. Это была очень большая подмога для них.

... В 40-м году жили уже в Мегионе, построили на берегу реки избушку. Весной, во время половодья, волны били прямо в окошко. Там родилось еще трое детей.

Народ здесь был немногословный, трудолюбивый. Из русских жили Зыряновы. Одному из братьев Зыряновых пришлось же-

ниться на хантыйке, чтобы им разрешили приехать и жить в Мегионе. Ханты боялись потерять свои угодья, не хотели переселения русских. А вообще мои родители всегда хорошо говорили о Проломкиных, Кыкине Николае, Пылине Якове. Проломкин Василий был председателем рыболовецкой артели, его сменил Липецкий Василий. Возглавлял колхоз Н.Кыкин. Работа не из легких. Рыбу нужно было правильно распороть, промыть, засолить. За день зарабатывали по 17 коп., хотя обрабатывали по нескольку центнеров рыбы. А ночью, когда проходил пароход, грузили дрова.

Папу на фронт не взяли, дали «бронь», может быть, потому, что ссыльный или потому, что должен был кто-то «управлять» калмыками, которых ссылали сюда во время войны.

Все, что добывали, сдавали государству. В 40-е годы стало жить легче, у родителей было все: корова, лошадь, огород, куры. Росли прекрасный лук, капуста, огурцы. Не голодовали и во время войны: все свое — рыба, дичь, ягоды, грибы, орехи, не хватало только хлеба, сахара, но это не такая уж беда во время войны. Бедствовали в нашем крае нерадивые и ленивые. Из кожи папа шил обувь, мама была великой труженицей. Любила работать и всех детей этому же научила. С раннего детства умели держать литовку, косить сено, ловить рыбу, охотиться. Никто из нас не позволял себе сломать даже ветку черемухи, кедра: так делали все, кто здесь жил до «цивилизации».

Повествуя о жизни, Надежда Серафимовна касается самого тяжелого:

— Война. Мы, как и весь народ, отдовали «Все для фронта!» Старший брат Леонид прошел всю войну, вернувшись, работал в Совете Вампугольском. На долю матери выпал самый тяжелый удар: похороны сына...

И все это время мы по-прежнему оставались «кулаками». Часто нам напоминали: не забывайте, кто вы есть, кто вы такие. При одном из председателей прямо из нашего подпола колхозники выгребли всю картошку... Все эти годы семья находилась под надзором нижневартовской комендатуры. Паспорта родители получили спустя много лет после войны.

... Маму мы боготворили. Она никогда не сердилась, нас учила делать только добро людям, даже если тебе сделают плохо. Всегда говорила, что если тебе сделал человек добро, ты сделай ему во сто раз больше. А сколько в ней было ума, природной тактичности, воспитанности! Работала в школе-интернате, где жили 60 ребятишек ханты. Интернат стоял на горке, а внизу протекала река. Надо и воды натаскать, и обед сварить. Старики ее уважали: «Ай, Анна, молодец, шибко детей любишь».

В доме Седых всегда кто-то жил, только никто ни для кого и никогда «лишним ртом» не был. В войну прибилась Надя Тюменцева, сейчас живет в городе. После войны квартировали сейс-

А.П.Седых. Материнский пост

мологи. А потом дети геологов – Валера Доминов и Галя Алеева. Галя и сейчас живет в Нижневартовске.

Когда жива была Анна Петровна, в доме шел тихий разговор о днях былых... Но чаще звучала песня. Пели подружки ее молодости Ирина Ивановна Кунгурова, Евдокия Григорьевна Зырянова. Дочери — Галина, Зоя, Надежда. Вначале любимую, современную «Дочери-матери», а потом ту, что с отцом на два голоса они пели: «На Муромской дорожке стояли три сосны...».

Всю жизнь Анну Петровну мучил один вопрос: за что?

Она, Анна Седых, пострадала за пятую стену в доме. Когда ей исполнилось 80 лет, государство решило возместить ущерб, только необходимо было доказать, и родился еще один документ, последний: «Я, Седых Анна Петровна, 1907 года рождения, в 1930 году была арестована и сослана на Васюганские болота. Как спецпереселенка с 1937 года проживаю в Мегионе. Это могут подтвердить: Жильцова, Нагибин, Зырянов».

Вместе с семьей Седых на спецпоселении жили семьи Западновых, Сорокиных, Ильиных, Колясовых, Винокуровых.

И других арестовывали за «большие» грехи. Помню рассказ Владимира Флорентьевича Ржевского – тюменца, фронтовика, летчика, учителя истории: «Ходил от Тобольска до Салехарда пароход «Интернационал». Бежит бабулька к пристани, боится опоздать, а пароход уже отчалил. В отчаянии вырвалось: «Язви его! Ушел-таки «Интернационал». Больше старушку никто в городе не встречал. Сгинула».

Другой «преступник» рассказал свою историю двадцатилетнего заточения: «Иду по деревне, навстречу бежит сосед. Я ему: «Ты чего как воробей из колхоза бежишь?» Сдал меня сосед...».

НЕ СОЙДЕТ С ЗЕМНОЙ ОРБИТЫ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

И помнится мне молодость моя, и первые мои ученики.
(Из воспоминаний В.М.Винокуровой)

«3 октября 1949 года на последнем буксирном пароходике я приехала работать учителем в Нижневартовскую семилетнюю школу. Было раннее утро, женщины спешили за водой на Обь, шел дым из печных труб... Морозило, застыли лужи, но снега еще не было. Когда я поднялась на пригорок с берега, передо мной, как на ладони, протянулась длинная и прямая улица, она шла по берегу Оби. За этой главной улицей был еще ряд домов, построек, хлевов, и у самого леса, как-то на отшибе, находился клуб, построенный из бывшей деревянной церкви. В конце улицы Первомайской на берегу Оби находилось два дома, в которых и размещалась семилетняя школа. Главное здание построил учитель, а затем и директор школы, Михаил Иванович Питер в 1926 году. Школа строилась из двух бывших купеческих домов, купленных в деревнях Былино и Соснино.

В 1946 году, первом послевоенном году, работали вернувшиеся с фронта, но не сияшие гимнастерок Афанасий Дмитриевич Панкин — директор школы, Александр Иванович Туманов — завуч, Петр Митрофанович Михайлов — учитель истории, Феоктист Васильевич Анненков — учитель физкультуры. После окончания семи и десяти классов, краткосрочных курсов вели уроки Ия Николаевна Ветринская, Валентина Платоновна Арефьева, Анна Алексеевна Слинкина, Софья Ефимовна Туманова, Лидия Петровна Пономаренко. Лидия Петровна была воспитателем в интернате, где жили ученики из Былино, Соснино, Тархово, Вампугольска, Зайцевой Речки. В школе обучалось 58 учеников.

Это были тяжелые годы: не хватало учебников для всех, отсутствовала всякая методическая литература, дефицитом были мел, тетради, краски для рисования.

Работала школа в две смены, так как классных комнат было всего четыре. Не на каждой парте стояла керосиновая семилинейная или десятилинейная лампа. Рядом со зданием школы находилась больница, где работали акушерка С.П.Коновалова и фельдшер В.С.Балахонов. В 1947 году приехала первый врач — Вера Федоровна Калганова. В 50-х годах открылась средняя школа. Ученикам уже не надо было ездить учиться в Александрово Томской области или в Ларьяк, районный центр. В течение 50 лет своей работы я принимала деятельное участие в развитии

народного образования, культуры, организации вечернего бесплатного обучения взрослых.

Чем жили район, село Нижневартовское, а потом и город Нижневартовск, тем жил и рядовой учитель, обучая и воспитывая молодое поколение».

Это — воспоминания прекрасного человека и учителя от Бога — Веры Матвеевны Винокуровой.

Весь сентябрь моросит дождь. Изредка лучи солнца пробивает свинцовое небо, и тогда школа, обрамленная золотом берез, становится похожей на жар-птицу.

Красивый день сегодня, светлый и прозрачный, и Вера Матвеевна, направляясь к школе, любуется этим днем. Без нашей северной красоты, без школы Вера Матвеевна себя не мыслит.

Вера Матвеевна Винокурова — кавалер ордена Ленина, заслуженный учитель школы РСФСР, почетный гражданин города

Говорят, что учителями рождаются. Но, наверное, надо еще и понять свое назначение в жизни. Мне хочется получить ответ на этот вопрос именно у нее — у В.М.Винокуровой, педагога с 50-летним стажем, заслуженного учителя школы РСФСР, почетного гражданина города Нижневартовска.

— Это сейчас, с высоты прожитых лет, можно уже и анализировать. А тогда, в сорок шестом году, закончила я Тобольский учительский институт с двухгодичным сроком обучения. Мало, конечно. Но зато лекции нам читали прекрасные педагоги — много разоренных университетов в трудное время приютила Сибирь. Начала я работать в 19 лет,— вспоминает Вера Матвеевна.

Девочка-учительница оказалось единственным в школе-семилетке педагогом с высшим образованием. Огромная ответственность: кроме русского языка, литературы и истории преподавала даже химию. А как иначе, если педагогов селу не хватало.

Через год молодую учительницу отправили в Ларьяк поднимать школу районного центра. С высшим образованием их было трое: Вера Матвеевна Винокурова, биолог Мария Александровна Кайделова и историк Нина Степановна Нестерова. «Друг мой

бесценный», — так говорит о ней Винокурова. В село Нижневартовское вернулись потом вместе.

Вряд ли найдется хоть один старожил, который, услышав ее фамилию, не проникся бы чувством благодарности. Сколько душ она наполнила высокими мотивами, чистым светом, обращаясь к детям через литературу, через свой любимый театр!

Драматический театр, который она создала в селе Нижневартовском, пользовался успехом. Ставили Крылова, Федина, Финна, Островского, Корнейчука. Играли в нем ученики и учителя. Театр всех сблизил, породнил.

Коллеги Веры Матвеевны (а к ним относятся и ее ученики: Антонина Петровна Сущая, Евдокия Петровна Максимова, Надежда Серафимовна Бнятова, Ия Николаевна Звягина, Любовь Михайловна Петрова, Валя Белова, Люба Крюкова, Вера и Виталий Мицулявичусы, Света Крышева и многие-многие другие) вспоминают:

— Зимой мы собирались, топили печку, читали стихи, говорили о жизни, об искусстве... Пройдя эти винокуровские «академии общения», мы научились главному — определять, что хорошо в искусстве, а что плохо. Это касалось и поэзии, и живописи, и прозы, и музыки. Культура входила в нас совершенно естественно, без всяких специальных занятий. Это было в нижневартовской первой школе, в нижневартовском клубе в 60-е годы.

— Когда Вера Матвеевна читала стихи или прозу, то казалось, будто в класс врывался ветер, тот самый, быть может, что ударил когда-то в лермонтовский парус... — говорят о ней ее ученики.

Многим проложила она путь к профессии своим словом.

Учеников своих Вера Матвеевна тоже помнит, и не только первых. Многие приходят за советами — преподают язык и литературу. Некоторые стали учеными, пишут кандидатские, размышляют о Достоевском, его героях. А Владимир Балин — хирург от Бога. Творческая работа — у Николая Гынгазова, Татьяны Мотошиной.

Первой школе нынче 70 лет. Работает в ней уже много лет Лариса Порфирьевна Соснина, биолог, которая учит своих учеников любить нашу родную истерзанную землю. Зерно учительской профессии заложила в нее, конечно, Вера Матвеевна.

Когда на школьной линейке ей вручили орден Ленина, она с теплотой в голосе сказала: «Этот орден вручают не мне. Это всему учительству нашего города». Великая в ней любовь к учителю, поклонение ему. А главное, она считает, что принадлежность к учительству — большая честь.

Весной каждого года Вера Матвеевна принимает экзамены в педучилище. Ее надежды сбываются: в школы Нижневартовска приходят ищущие, беспокойные люди, любящие детей.

Сейчас Вера Матвеевна — пенсионер. Прекрасная возможность — путешествовать, побывать там, где жили и любили, страдали герои книг.

Но я знаю — и теперь не будет у нее больше свободного времени... Не пропустит, как всегда, ни одной дискуссионной передачи по телевидению, статьи в газете. Уведут ее исторические романы в глубь веков, но внуки вернут в сегодняшний день... Центробежные силы времени не дадут сойти с орбиты.

НЕ БЕЗ ЖЕНСКОЙ ПОМОЩИ МУЖЧИНЫ ОБУЗДАЛИ САМОТЛОР

На берегу небольшой протоки стоит домик. Ухоженный огород. Дачей этот уголок не назовешь: нет фруктовых деревьев. Коротко северное лето, отдыхать некогда, белые ночи только и снятся...

Но все здесь сделано по законам гармонии, естественности и красоты. Выше крыши вымахнули ветви черемухи. В углу совсем неогородное дерево — кедр, вернее, кедрачок Дашеньки Повх. Сколько лет Даше, столько и ему, зеленому красавцу.

Татьяна Степановна Повх

Здесь, под цветущей черемухой, и состоялся первый разговор о былом... Свиток пережитого медленно разворачивается, возникает желание перелистать страницы прожитой жизни, углубиться в себя, задуматься...

Моя собеседница — Татьяна Степановна Повх, жена и друг известного первопроходца, чье имя гремело на весь Советский Союз. Именем Степана Ананьевича Повха люди назвали месторождение, которое он не открывал и не работал на нем, назвали уже после трагического события.

Татьяна Степановна похожа на волшебницу из детской сказки, фею из «Золушки»: седые легкие волосы собраны на затылке, глаза редкого, необыкновенно чистого голубого цвета. Не утрачены обаяние, притягательная женственность. Эта женщина дарит людям радость общения.

Ее корни — в селе Гатне Хмельницкой области. Когда немцы вошли в село, она училась в шестом классе. Прошел слух: у кого есть книги, учебники — признак советского, не народного происхождения, — тому будет плохо. Вместе с учительницей снесла она «печатное слово» на берег озерца и погрузила в его воды. Зимой, сквозь прозрачность льда, читали: «Русский язык», «История»...

День 24 марта 1944 года остался в памяти на всю жизнь — ушли немцы. Осенью 1944-го открыли школу. Хотелось учить-

ся, но надо было зарабатывать трудодни. Закончить школу так и не удалось: заболела мама, да и ходить было не в чем...

Повхи жили по соседству. Таня со Степаном были погодки. За полгода до призыва в армию Степана Повха они поженились. Молодой муж работал не в колхозе, а на торфоразработках. Через четыре года Степан вызвал Татьяну в Башкирию, где после армии работал в нефтеразведке. Так началась их кочевая жизнь. Последний дом перед северной эпопеей — Шкаповское месторождение, которое считали «вторым Баку».

С 1964 года — Север. Новая история.

Я попросила Татьяну Степановну записать воспоминания. И вот — нижневартовская жизнь на двух тетрадных листах.

«Собралось четыре семьи, четыре бурильщика из Башкирии — С.А.Повх, И.А.Ретиков, Е.П.Гечь и И.А.Ромашевский,— которые решили ехать на Север. Мужья уехали в начале августа в Тюмень, где погрузили все необходимое на баржи и поплыли в поселок Нижневартовский.

Степан Ананьевич Повх

Выгрузились на берегу и начали подготавливать место для размещения балков и строительства бани. Работы по специальности еще не было, оборудование для бурения находилось в пути — плыло на барже из Тюмени. Под руководством строителей построили наши мужья для нас жилье. И в ноябре 1964 г. приехали за семьями. 14 ноября мы прилетели в поселок Нижневартовский на АН-2.

Север встретил нас сурово, было уже очень холодно. Вместо аэропорта стоял небольшой домик, куда мы и зашли погреться. На грузовой машине отвезли нас к новому жилищу. Обогрели одну квартиру, переночевали. Школа, магазины были в старом Вартовске, а барак наш стоял на месте теперешнего СУ-14. Ходить приходилось пешком, а расстояние-то было приличное. Воду носили из Оби, дрова добывали рядом с домом — в лесу.

Оборудование, которое везли из Тюмени, не успело прийти до начала морозов и замерзло на реке по дороге от Сургута до Нижневартовска. По зимнику пришлось перевозить материалы, чтобы приступить к бурению скважин.

Когда построили первую буровую — это был праздник для всех. Полегче стало жить, да и заработок прибавился.

В 1967 году Степана Ананьевича Повха послали на курсы мастеров в Тюмень, которые он закончил успешно. Когда приехал, возглавил бригаду, ставшую потом передовой.

Город и горожане

Хорошее настроение

Так встречали первые поезда.
Фото Ю. Филатенко

Когда-то 13-й микрорайон выглядел вот так... *Фото Ю. Филатова*

Фото Ф. Гильмутдинова

Строительство храма

Венчание — таинственный обряд

Ул. Музы Джалиля. «Деревинка»-97

Нижневартовск — город детства

Противостояние

Зимний парк

Ул. Дружбы Народов

Мартовский снег

Первоклашка, первоклассник,
У тебя сегодня праздник!

Чудо-город

Вартовчаночки

Директор детского дома «Аистенок» Р. К. Архипова

Давыдов Ваня со своим испанским папой

«Аистята»

Не стареют душой ветераны

«В Сибири не было войны,
Но в каждом парне обелиск»

Степан Артемьевич и Прасковья
Ивановна Лымбины

Праздник Победы

Фронтовики, наденьте ордена!

У войны — не женское лицо...

Природа Самотлора

На озере Чумпис

«Гаснут красные крылья заката»

Таежная тишина

Зимняя сказка

Северный натюрморт

Дары августа

Сказание о земле Югорской

А в это время пошли слухи о Самотлоре. Только и разговоров было, кого же туда пошлют. Переживали особенно женщины и в душе надеялись, что это будут не их мужья. Участь выпала на долю бригады С.А.Повха. Конечно, это было почетно, но очень трудно и ответственно. С тех пор дома он бывал редко, чаще семья его видела по телевидению. И, конечно же, радовалась. А однажды он пришел домой с Самотлора пешком, потому что не летали вертолеты.

И все было бы хорошо, не случись наше горе. Не стало отца, хозяина. Не могла представить, как буду жить. Спасибо детям, которые слушались меня и уважали, хорошо учились. Володя и Валя закончили институты. Виталий работает трактористом. Все перенесли... Выжили».

...Отцвела черемуха. Промчались июнь, июль. На парусе лета — август. В назначенный день и час мы встретились с Татьяной Степановной в уютном доме ее старшего сына Владимира. Сюда она приходит каждый день. Сварит обед, присмотрит за внуками. Все под ее благословляющим крылом. И только диву даешься, как ее на все хватает.

Владимир Степанович Повх. Продолжал дело отцов...

Первый дом Повхов — четырехквартирный барак, срубленный своими руками,— стал семейным гнездом, в котором поселилась большая семья. Огородик, корова. Жили не тужили, квартиру не просили. Однажды хозяин пришел — и с порога: «Поехали квартиру смотреть!» И ключи показывает. Смеется: «Правда же! Дали мне и Левину!»

Около милиции построили три коттеджа. Один дом — на две семьи. Сначала новоселье сыграли Левины, через неделю — Повхи. Молодые, веселые, красивые. Песни пели до утра. Жили дружно. Много лет спустя Шура Левино из Сургута прислала открытку: «К вам, Татьяна Степановна, приходили на пироги... как к маме». Дом был полон друзей. Степан был общительным, веселым.

В 1975 году Повхи переехали в один из первых капитальных домов Нижневартовска. На Пионерской, у парка. Квартиру получили благодаря председателю профкома УБР-1 Михаилу Герасимовичу Атаяну, председателю райкома профсоюзов Николаю Васильевичу Прохорову. Но это уже была забота о семье их бывшего работника.

Повхи продолжали жизнь. В трудные минуты выручали друзья, просто знакомые. Татьяна Степановна частенько вспоминает Шакшиных, особенно жизнелюбивую Галину Васильевну.

Дорога в 3-й микрорайон. 1975 г. *Фото Ю.Филатова*

щим двум многоэтажкам трудно было подойти, особенно в дождь. В июле-августе 1971 года в связи с прокладкой трубопроводов в домах не было ни электроэнергии, ни газа, ни холодной и горячей воды. Пищу готовили на кострах, в том числе и грудным ребятишкам (у нас в июне 1971 года родился сын). С моей подачи единственный четырехэтажный жилой дом Нижневартовска был окрашен «тоской зеленой» (дом снаружи был выкрашен темно-зеленой краской) или «недоноск Пикмана» (Г.И.Пикман, управляющий трестом «Мегионгазстрой», собрал четырехэтажку из деталей трех разных серий домов).

Четыре жилых дома по улице Пионерской — № 1, 3, 5, 7 — с подачи В.Т.Пузатова назвали «дом-деревня» или «китайская стена». Две московские пятиэтажки по Омской (напротив роддома), выкрашенные тогда в розовый цвет, прозвали «розовой мечтой», был дом и «голубая мечта».

Первые в городе девятиэтажки, сданные в 1975 году по улице Пионерской, 9 и 11, назвали «дворянское гнездо», где наряду с Героями Социалистического Труда Левиным, Петровым и другими жили начальники объединения и НГДУ Л.И.Вязовцев, Р.И.Кузоваткин, Ф.Н.Маричев, секретарь горкома Э.Р.Бушмакин и другие.

В те годы, как никогда остро, стояла квартирная проблема — численность населения увеличивалась на 10 и более тысяч каждый год.

Многие жили в вагончиках. А еще строили своими руками балки, предприятия в этом людям помогали, чтобы закрепить рабочих.

В 1973 году было принято решение облисполкома о запрещении деревянного строительства, но было уже поздно — деревяшек понастроили много, и с каждым годом их почему-то становилось все больше.

Нефтяники не занимались инфраструктурой — их интересовали только спальные места — строили, в основном, общежития и многоквартирные жилые дома.

В первые годы старый и новый Вартовск разделяли непроходимые болота, особенно в распутицу. Сообщение было по реке или вездеходным транспортом, а также по водоводу большого диаметра, шедшего с реки Вах через старый Вартовск в новый.

До 1971 года в рабочем поселке Нижневартовском существовала типично сельская больница, и нефтяные ведомства ни копейки на здравоохранение не выделяли, хотя строился город нефтяников, существовавшая больница не справлялась с нагрузкой: не хватало больничных коек, требовались врачи и медсестры. Многие медработники перешли тогда работать к нефтяникам.

В больнице имелась одна палата — 20 квадратных метров,— где было расставлено пять коек, а лежали десять женщин. Приходили в больницу тогда и со своим бельем.

Видя критическое положение, по нашей просьбе В.В.Бахилов на совместном заседании бюро РК КПСС и райисполкома предложил передать два стоместных общежития из бруса для размещения поликлиники и больницы. Каждое здание площадью более

Именно с этой больницы все и начиналось. 1971 г.

двух тысяч квадратных метров. Предложение было принято. Общежития были, как говорится у строителей, «на выходе», мы сделали только внутреннюю перепланировку.

Р.И.Кузовткин и В.И.Муравленко яростно сопротивлялись, но им тогда пришлось смириться. Теперь на этом месте стоят три шестнадцатиэтажных московских дома.

В 1972 — 1973 годах нам удалось «захватить» еще одно общежитие по улице Чапаева. В новом здании поликлиники разместили рентгено-флюорографические кабинеты, лабораторную службу, специализированные кабинеты: окулиста, отоларинголога, хирурга и др. В новую поликлинику переехали в конце ноября 1971 года.

Отделения и кабинеты удалось оснастить новейшим для того времени оборудованием и инструментарием за счет областного управления здравоохранения.

В декабре 1971 года открылись кожно-венерологический диспансер и станция скорой помощи.

Строительство больничного комплекса на 240 коек начали еще в 1965 году. За дело взялся трест «Мегионгазстрой», но вскоре стройку приостановили: из-за медленных темпов фундамент и кирпичные стены четырехэтажного корпуса дали трещины с двух сторон. В дальнейшем пришлось по центру наложить металлический бандаж, а подвальный этаж нельзя было эксплуатировать из-за подтопления грунтовыми водами. Главный корпус начали эксплуатировать лишь несколькими годами позже».

Пишущий историю освоения Самотлора слукавит, если обойдет стороной людей в белых халатах.

Кто они, Первые? Досамотлорский период: 1926 год — первый фельдшерский пункт в селе Нижневартовском. До 1945 года его возглавлял Николай Игнатьевич Потемкин, бывший политссыльный.

С 1933 года начал работать первый врачебный участок во главе с врачом Валентиной Михайловной Соколовой.

40-50-е годы — старожилы помнят тех, кто работал в больнице, что находилось рядом со зданием школы. Это акушерка С.П.Коновалова и фельдшер В.С.Балахонов. В 1947 году приехала Вера Федоровна Калганова, ставшая первым врачом пос.Нижневартовского. Хоть и старались вартовчане жить по законам природы, быть здоровыми, но не раз приходилось обращаться к эскулапам.

В нижневартовской центральной районной больнице к 1971 году сложился коллектив, в основном, из молодых врачей, прибывших на работу прямо со студенческой скамьи после окончания медицинских институтов. Многие из них прошли здесь все ступеньки от рядового врача до нынешних высоких должностей.

С началом строительства города по ташкентскому методу нагрузка на медицинских работников резко возросла. Специали-

стов не хватало, больничный комплекс, заложенный в 1965 году на 240 коек, вступил в строй только в 1973 году.

Заведующий Тюменским облздравотделом Ю.Н.Семовских по согласованию с первым секретарем Нижневартовского райкома КПСС В.В.Вахиловым назначает Павла Тимофеевича Московкина главным врачом с чрезвычайными полномочиями для наведения рабочего порядка.

Горячее было время. Приходилось постоянно вникать в проблемы здравоохранения и строительства. К нему шли люди с вопросами производственными и житейскими. И коллеги, и пациенты всегда находили понимание.

Сменил П.Т.Московкина Виктор Тихонович Пузатов. В 1973 году он подарил свою фотографию Павлу Тимофеевичу с надписью: «Дорогому учителю от благодарного ученика». Очень много для города сделал В.Т.Пузатов.

Но те с случилось, что в мир иной ученик ушел раньше своего учителя. Коллеги, горожане еще долго будут помнить этого прекрасного человека. Павел Тимофеевич живет и здравствует, и дай Бог ему здоровья еще на долгие годы.

Немало их, хранителей нашего здоровья, чьи профессиональные познания счастливо соседствуют с природной добротой. Пользуется признанием врач, заведующий хирургическим отделением с 1969 года, Валентин Степанович Самуйленко. Едва ли кто не знает Людмилу Васильевну Теленкову, Владимира Аркадьевича Трапезникова.

Виктор Тихонович Пузатов

Владимир Аркадьевич Трапезников, хирург-стоматолог

Впервые в 1971 году в Нижневартовске появляются врачи узких специальностей: онколог В.Ф.Чмель, уролог С.Г.Мошкин, эндокринолог Т.И.Журавлева, ревматолог С.Д.Орлова, психиатр Н.М.Гончарова, детский хирург И.Ф.Антонов.

Гинекологическая служба 60 — 70-х годов представлена прежде всего В.К.Макаровой, Т.Ф.Замалетдиновой, В.Л.Ждановой, акушерами-гинекологами Н.М и В.Н. Бурановыми.

Почти тридцать лет отдал городской больнице кандидат медицинских наук, организатор травматологического отделения Юрий Павлович Мамонов.

Поселок, а позже город, бурно рос. Большая нагрузка в эти годы пришлась на заместителя главного врача В.И.Овсянкину, супругов Ярковых. Не один раз в месяц приходилось выезжать в труднодоступные места на самолетах, катерах, лодках и лошадях.

Кто с семидесятых годов живет в Нижневартовске, те помнят и знают в лицо своих докторов: Л.А.Шумилову, М.В.Якшина, З.А.Сидорову, В.А.Калачову, Н.В.Соколову, Р.Н.Ганиеву, Н.М.Халикову. Помнят потому, что они обладают такими чертами, без которых немыслим настоящий врач: способностью чувствовать чужую боль и исцелять ее.

ВРЕМЕНА РОМАНТИКОВ НЕ ИСЧЕЗАЮТ БЕССЛЕДНО

Городу — четверть века. Только зарождавшемуся Нижневартовску прочили большое будущее. Газеты, музыка, сияющие глаза обещали ВЕЛИКОЕ. И только годы спустя стало ощущаться, как трудно жить в городе, какая тоска в общежитиях, как холодно и неуютно в балках и вагончиках. Лютые морозы, иногда свыше 45°. Мороз захватывает дыхание человека, батареи в домах лопаются. Но все равно Самотлор манил надеждой, зеркальностью воды и воздуха.

И кто сюда приезжал, вскоре оказывался в пограничном состоянии — между романтикой и прагматикой.

Так было и с Надеждой Константиновной Мартиной.

«Помню первую зиму 1974 года. Нас с мужем поселили в половине вагончика жилпоселка «Запсибнефтехиммонтажа» в старой части города. В конце сентября выпал снег, а в начале октября ударил мороз. Свет отключили, и в нашем вагончике стало минус 8 градусов. Хотелось плакать, все бросить и уехать. Родителям дали телеграмму: «У нас холодно, везем Костика». Когда отправили двухлетнего сына, преодолевать трудности стало легче. И так начинали многие».

Надежда Константиновна Мартина

Тогда, в 1974-м, она не могла предположить, что будет в этом городе заведующей горово, директором школы, которая станет храмом знаний, искусства и китайской гимнастики УШУ, депутатом городской Думы.

... Прошли годы, но помнится дорога, начавшаяся в юности, которая дала многое, а прежде всего одарила молодым, радостным ощущением жизни.

Работая секретарем ГК ВЛКСМ, затем инструктором ГК КПСС, встречалась, дружила с людьми, которые делали историю.

— В те годы,— рассказывает Н.К.Мартина,— Нижневартовск был городом всесоюзных комсомольских строек. Лозунги «Дашь нефть Самотлора!», «Нефть — забота главная!» были тогда наиважнейшими.

Надежда Константиновна ведет рассказ о людях города, в чьих руках были дела и заботы дня вчерашнего, тепло и с легкой грустью. Отошли комсомольские времена в историю. Именно теперь, когда мы пытаемся изменить и выстроить по-новому свою жизнь, особенно необходимо оглянуться назад и понять прошлое.

Сколько их было — всесоюзных и городских конкурсов мастерства буровиков, бурения интернациональных скважин, сварки «Красного стыка» на нефте- и газопроводах, социалистических соревнований среди комсомольско-молодежных бригад! Секретари горкома комсомола В.Тимофеев, В.Филатов, В.Швецов, А.Рыбалов, А.Беляев, начальники штабов стройки В.Троянский, О.Меркулов, Т.Мгеладзе, Д.Дементьев, Ю.Борисов, секретари комитетов комсомола В.Тараи, В.Коннов, В.Горчаков, Н.Чернов, В.Ширяева, В.Третьяков, В.Логинов, А.Шваб, Б.Токун и многие другие — были организаторами этих начинаний. В то время лучшими были комсомольско-молодежные коллективы В.Глебова, В.Александрова, В.Мошкова, В.Лейтланда, А.Мовтяненко, В.Ляпина, В.Папаудина. Сама Надежда Константиновна отвечала за работу городского совета молодых специалистов, куда входили С.Шафраник, Н.Андреева, П.Плюхин, В.Миргородский и другие.

С доверием и уважением относились тогда к научным работам молодых. Многие рацпредложения практически сразу внедрялись в производство. Например, предложение В.Лейтланда по технологии прокладки дороги по озеру Самотлор.

Нижневартовская телестудия. 1971 год. Встреча с командирами стройотрядов. Второй слева — первый секретарь райкома комсомола Виктор Тимофеев

Сколько сил, терпения, просто человеческой доброты проявили секретари комитетов комсомола трестов «Мегионгазстрой», «Нижневартовскстрой» В.Сандыков и И.Гималетдинова при приеме всесоюзных комсомольских стройотрядов: бессонные ночи, дежурства и встречи в аэропорту, размещение по общежитиям, устройство на работу, организация их свободного времени... Тресту «Мегионгазстрой» было присвоено звание комсомольско-молодежного.

Открытие общежития № 20

Не скрою, пишет в своих воспоминаниях Надежда Константиновна,— было непросто принять молодежь из разных концов страны, а еще сложнее сделать так, чтобы она закрепились в нашем городе.

Настрой тогда у жителей города был какой-то особенный. Юношески задорный. Приезжие удивлялись: «У вас в городе, что, молодежь одна?» Куда ни глянешь, все молодые лица! И первым секретарям ГК ВЛКСМ — В.Тимофееву и В.Швецову, зав. идеологическим отделом К.Замолетдинову — всего-то за двадцать или около тридцати.

В середине 70-х комсомольцы разбили парк, еще тогда решили, что здесь будет памятник павшим в годы Отечественной войны. Улицы Пионерская, Омская, Космонавтов, Мусы Джалиля оделись пока еще в очень скромные одежды берез и рябин.

Где только не работали комсомольцы! Что и говорить, весь город — сплошная строительная площадка. Особенно запомнились субботники по погрузке стекловаты с причала дирекции строящегося газоперерабатывающего завода. Горожане помнят также ДНД, оперотряды, «Комсомольский прожектор». Секретари горкома Л.Нестреляй, Г.Кравчук, И.Коваленко много работали по профилактике правонарушений среди молодежи.

Популярное выражение тех лет — «Встретимся, поговорим» — означало, что мысли, идеи, планы будут обсуждаться, дебатироваться, обдумываться за обедом в столовой на буровой, вечером в общежитии.

Чтобы досуг был добрым, интересным, немало сил, творчества и изобретательности приложили известные нам всем люди: Р.Литвинова, Л.Дунина, Л.Румянцева, Н.Ганжола, Н.Воронова, Н.Тарасова, А.Грибцова, А.Хусид, Н.Щербакова, С.Верин.

Работа с молодежными коллективами требовала от комсомольских вожаков особого внимания. Случались, конечно, и срывы, и казусы: за победу в соцсоревновании руководителя наградили путевкой в кругосветное путешествие. Радости, конечно, не было предела. Но... начальник комсомольской бригады оказался не комсомольцем... Наградой были и грамоты, цветы, ордена. Многих товарищей по работе вспоминает Надежда Константиновна: Г.Шустову, Н.Прохорову, Т.Глебову, И.Валетову, а также людей с беспокойным сердцем и щедрой душой: В.Дементьеву, З.Ковригину, А.Шатрова, А.Костылева, С.Блинова, О.Ленни-Воронцову.

В памяти остались яркие факельные шествия, митинги, праздники микрорайонов, КВН, фестивали комсомольской песни местных поэтов и композиторов, пионерские костры, городские соревнования «Кожаный мяч», «Золотая шайба» и многое другое, что входит в одно, но очень емкое понятие «Комсомол семидесятых».

1 мая 1969 г.

В те годы шло становление не только нефтяной промышленности и строительства — шло зарождение нижневартовской интеллигенции: открывались школы, библиотеки, немногочисленные клубы. Центров культуры было немного, но как интересно они работали! Большую роль в жизни горожан играла газета «Ленинское знамя», ныне «Местное время», главным редактором которой был В.Н.Сырцин, интереснейший человек, уважаемый всеми в городе. Комсомольский корреспондент Н.Прохорова всегда находилась в гуще всех событий, освещала нашу жизнь. Благодаря настойчивости Л.Соловьева, его творчеству и великолепному знанию своего дела, родилось нижневартовское телевидение. Этот человек все видел, все знал, всему давал объективную оценку.

Кто они сегодня, комсомольцы 70-х? Ю.Шафраник дорос до министра, В.Глебов, И.Андреева, П.Плюхин стали главными инженерами, В.Таран, И.Гималетдинова — зав. отделами администрации города, Н.Прохорова — редактором газеты, Р.Литвинова и Н.Воронова — директорами школ, К.Кеменчиждиди — ведущим в городе педиатром.

Я искренне благодарна судьбе за то, что она подарила мне таких прекрасных учителей, как: С.Д.Великопольский, В.М.Смальков, Г.М.Метелица, В.А.Илькин, В.Ф.Голубничий, Л.А.Золина, М.К.Анисимкова, Л.В.Малкова, Т.С.Кеменчиждиди, В.С.Осипов, Л.А.Додонова и т.д., — которые учили не только меня, а всю молодежь нашего города, как надо работать! Восхищена педагогическим мастерством В.М.Винокуровой, А.П.Сущей, Е.П.Максимовой, В.И.Сазоновой, Э.Т.Глазуновой, давших мне мощный заряд энергии, который и по сей день помогает жить!

В основном, первопроходцы — люди приезжие, их же дети — северяне. И для них тоже наступило время свободного выбора. Это время — преддверие звездных часов, важно не растеряться и сделать правильный шаг. Держайте, молодые!

— Если сравнить нынешнюю ситуацию с изнурительным и не всегда успешным поиском средств для своего предприятия и прошлые времена... Когда все же проще было — тогда или сейчас?

— Свои плюсы и минусы и в том времени, и в сегодняшнем. Тогда было неимоверно тяжело и в то же время интересно. Судите сами.

В 1972 году (после переезда из Урая) управлению установили план 136,2 тыс. м, в 1973 году — 230, а на 1974 год уже предложили увеличить объем проходки в 1,7 раза и пробурить 390 тысяч метров. Причем, не увеличивая количество буровых бригад, решить эту задачу предстояло за счет повышения уровня организации труда и совершенствования техники и технологии производства.

Конечно, трудностей было хоть отбавляй. Не хватало жилья, мест в общежитиях. Вагончики служили жильем для многих. Тем не менее установленные задания коллектив выполнял.

Основу предприятия в те, да и последующие годы, составляли буровые бригады «трех богатырей» (так их называют и до сих пор) — А.Д.Шакшина, Г.К.Петрова, С.Ф.Ягофарова. Комсомольско-молодежный коллектив — бригада В.С.Глебова — тоже не из слабых. Не случайно все они в разные годы стали Героями Социалистического Труда. Анатолию Дмитриевичу Шакшину присвоено звание лауреата Государственной премии СССР. Лауреатом премии Ленинского комсомола стал и Владимир Глебов.

Сегодня легче, есть все технические ресурсы: и трубы, и запчасти — не проблема. Рынок в этом плане облегчил жизнь руководителя, но в то же время сколько надо усилий, изворотливости, ума, чтобы иметь объем работ, средства для своего предприятия.

В те времена, о которых мы сейчас вспомнили, был «развитой социализм», мы кормили всю страну и думали прежде всего о ней, не заботились о себе. Сейчас стыдно и обидно за Самотлор, за всех нас. Горькая расплата.

— Недавно вспомнилась статья времен начала перестройки «Этот проклятый Самотлор», где автор говорит, что если бы не нефтяная жемчужина, то перестраиваться начали бы раньше. Действительно, державу мы в свое время поддержали. А она нас сегодня, да и вчера тоже?

Размышляя о старом и новом времени, Василий Данилович, видимо, вспомнив «планов громадье» и то, чем они кончались для каждого из нас, продолжал:

— Стране была нужна нефть, вся надежда — на Самотлор. И выжимали из него все, что могли выжать. В.И.Муравленко, Н.П.Дунаев видели ситуацию правильно, отстаивали реальные планы и от этого пострадали: получили все партийные взыска-

ния, их уволили, уволили из жизни. Ф.Н.Маричев, защищая интересы нефтяников, в свое время тоже попал в немилость.

— А у вас нет ощущения, что газ, нефть теперь имеют гораздо меньшее значение в повседневной жизни горожан, чем во времена былые?

— Нет, я считаю, что будущее города зависит от нефти. Нынешнее положение — временное. Год, два, ну максимум три, продлится эта ситуация. Самотлор встанет на ноги.

Дела нефтяников давно минувших дней

С начала освоения тюменских недр удельный вес СССР в мировой добыче нефти возрос с 19% в 1965 г. до 22% в 1985 г.

Казалось, что развитие будет идти по возрастающей. Однако в середине 80-х гг. нефтяная промышленность области уже испытывала кризис. Симптомы его проявились в 1982 г., когда впервые не удалось выполнить план добычи нефти. А план был — 344,9 млн. тонн.

В последующие годы невыполнение плана приняло систематический характер. В 1985 г. недополучили 35,5 млн. тонн (См.: Паньков Н.М. Формирование топливно-энергетического комплекса // Очерки истории Тюменской области. С. 221).

— Василий Данилович, на наш взгляд, кто виноват?

— Произошло это в силу ряда причин. Одна из них — отставание технической базы от темпов добычи сырья. Так, добыча нефти на Самотлоре в 1981—1985 годах превысила плановые задания более чем на 40 млн. тонн, а капиталовложений было сделано меньше плана на 160 млн. рублей.

Были причины и субъективного характера. Сравнительно «легкая» нефть, добываемая в первые годы фонтанным способом, вскружила головы и «нефтяным королям».

Да и сверху давили, но мы стали настолько изобретательны, что в общем-то справлялись с новыми задачами, поставленными Москвой.

Я думаю, что история не забудет того миллиона. Как было? Перевороши кипу газет, документов, восстанавливаю в памяти события тех лет.

...В 1981 г. по инициативе Тюменского обкома КПСС развернулось соревнование за обеспечение добычи 1 млн. тонн нефти в сутки. В августе 1981 г. эта инициатива была одобрена постановлением ЦК КПСС. Только в сентябре 1983 г. удалось достичь заветного рубежа. Но вскоре показатели стремительно покатились вниз, и только в конце 1986 года нефтяная промышленность Тюменской области смогла выйти на плановый уровень добычи. Но чего это стоило?!

ния, их уволили, уволили из жизни. Ф.Н.Маричев, защищая интересы нефтяников, в свое время тоже попал в немилость.

— А у вас нет ощущения, что газ, нефть теперь имеют гораздо меньшее значение в повседневной жизни горожан, чем во времена былые?

— Нет, я считаю, что будущее города зависит от нефти. Нынешнее положение — временное. Год, два, ну максимум три, продлится эта ситуация. Самотлор встанет на ноги.

Дела нефтяников давно минувших дней

С начала освоения тюменских недр удельный вес СССР в мировой добыче нефти возрос с 19% в 1965 г. до 22% в 1985 г.

Казалось, что развитие будет идти по возрастающей. Однако в середине 80-х гг. нефтяная промышленность области уже испытывала кризис. Симптомы его проявились в 1982 г., когда впервые не удалось выполнить план добычи нефти. А план был — 344,9 млн. тонн.

В последующие годы невыполнение плана приняло систематический характер. В 1985 г. недополучили 35,5 млн. тонн (См.: Пашков Н.М. Формирование топливно-энергетического комплекса // Очерки истории Тюменской области. С. 221).

— Василий Данилович, на ваш взгляд, кто виноват?

— Произошло это в силу ряда причин. Одна из них — отставание технической базы от темпов добычи сырья. Так, добыча нефти на Самотлоре в 1981—1985 годах превысила плановые задания более чем на 40 млн. тонн, а капиталовложений было сделано меньше плана на 160 млн. рублей.

Были причины и субъективного характера. Сравнительно «легкая» нефть, добываемая в первые годы фонтанным способом, вскружила головы и «нефтяным королям».

Да и сверху давили, но мы стали настолько изобретательны, что в общем-то справлялись с новыми задачами, поставленными Москвой.

Я думаю, что история не забудет того миллиона. Как было? Перелопатив кипу газет, документов, восстанавливаю в памяти события тех лет.

...В 1981 г. по инициативе Тюменского обкома КПСС развернулось соревнование за обеспечение добычи 1 млн. тонн нефти в сутки. В августе 1981 г. эта инициатива была одобрена постановлением ЦК КПСС. Только в сентябре 1983 г. удалось достичь заветного рубежа. Но вскоре показатели стремительно покатились вниз, и только в конце 1986 года нефтяная промышленность Тюменской области смогла выйти на плановый уровень добычи. Но чего это стоило?!

В дни трудовой победы

— Василий Данилович, так чего это стоило УБР-2? И еще вопрос: кому первому пришла мысль о «миллионе»?

— Думаю, Геннадию Павловичу Богомякову. Соревнование, надо сказать, организовано было мощно, здорово. Да был ли толк от этого, кроме выгоды?

— Василий Данилович, не люблю громких слов, но вас, ваших товарищей, всех, кто здесь от первой буровой, считаю героями нашего времени.

— Я всегда полагал, что слово должно быть равно поступку, цель и смысл которого — творить добро.

— С каким чувством вы смотрите на старые фотографии?

— Конечно, все это родное. Вот Анатолий Дмитриевич Шакшин. Импонирует его характер, отношение к делу. Понятия «выгода», «расчет» с его именем просто не сочетаются.

Авзалитдин Гизятуллович Исянгулов недавно звонил. Ему больно от происходящего, в «Тюменской правде» вышла его статья о единстве области. Просил обязательно прочитать, согласен я или нет, в его мыслями.

Я люблю этого человека, многим ему обязан. Нас связывает не только Самотлор.

Бывая в городском парке, часто вспоминаю и Юрия Александровича Аладжева, который возглавлял много лет службу буровиков всего объединения. За несколько лет до этого, будучи управляющим трестом «Нижневартовскнефтеспецстрой», он со своим

коллективом посадил, выходил этот парк. Было бы справедливо назвать этот зеленый уголок города его именем.

Да и вообще много встреч, первых знакомств и впечатлений всплывает в памяти. 1973 год — год моего приезда, год открытия шестой школы. К Антонине Петровне Сущей, директору школы, пришли с сыном: он — первоклассником, а я — шефом. Между школой и управлением заключили договор, в котором шефы и подшефные брали на себя конкретные взаимные обязательства. И дело не только в материальной стороне... Была поставлена цель — совместная работа по воспитанию как школьников, так и работников УБР. Вместе отдыхали, работали на субботниках. Учителя, благороднейшие люди, учили наших детей. Среди них: Роза Кадыровна Мирясова, Валентина Ивановна Сазонова, Галина Николаевна Ушакова, Галина Михайловна Ударцева. Многие, да, пожалуй, все они, не раз бывали на буровых с детьми. Ставили концерты, жили и работали не согласно планам, а согласно душе.

И смешное, конечно, было. Сейчас кажется забавным многое, а тогда? Геннадия Михайловича Головина, к примеру, несколько раз исключали из партии за невыполнение нормы по заготовке сена. А потом оказалось, что он в партии-то никогда не был.

Друзей много. Без них, считаю, и жизни нет. Дружим семьями — Закировы, Хазовы. Но самый-самый близкий друг — конечно, моя жена Людмила Андреевна.

— **Есть ли чувство сожаления за «нараспашку прожитые годы»?**

— Пожалуй, нет. Все-таки, что сделано, то сделано. А вот чувство обиды есть — сегодня люди неадекватно оценивают наши деяния. Все-таки не все люди сюда приехали за рублем, да и не романтики ради — приехали созидать. Может, и громко сказано, но я так ощущаю то время. И сегодняшнее отношение к нам — своего рода оскорбление. Еще где-то в конце 70-х Николай Петрович Дунаев, ныне покойный, разбушевавшемуся министру Мальцеву сказал: «Нефтяники Западной Сибири такой оценки труда не заслужили». И я с ним согласен был и тогда, и сегодня тоже...

«Застойные, тупиковые годы». Никак не приемлю этот термин: тупиковым можно назвать путь... Мы действительно шли в тупик, но люди — это другое, мы работали с душой, отдавали себя делу полностью, мы были молодые и горели, как факелы на Самотлоре... Нельзя оболгать наши солнечные дни, я доволен тем, что все мы сделали для нашего города. Только на Самотлоре нами пробурено около 15 млн. метров, сдано в эксплуатацию 7 тыс. нефтяных и нагнетательных скважин. За каждой из этих цифр люди и их труд, поиск, риск, разочарования, сомнения, удачи и неудачи. Жизнь выдвинула замечательных командиров производства: В.П.Полетаева, В.Н.Павлыка, Р.Н.Сибгатуллина,

А.М.Кожаева. Прекрасных результатов добивались бригады освоения мастеров Г.А.Вовка, А.А.Крылова, В.К.Журлова и многих других.

К сожалению, уже в 1989 году из-за отсутствия финансирования были расформированы три буровые бригады, пришло время отпусков без содержания, простоев. Но и тогда управление пробурило 802 тыс. метров и сдало 374 скважины.

Сегодня одному, объединенному из двух крупнейших УБР и урезанному до минимума, не находится объема работ на 1997 год.

Но восполнять разрушенное все равно когда-то придется, и сделать это будет гораздо сложнее, чем сохранить.

ЧЕЛОВЕК, ЖЕНЩИНА, ПИСАТЕЛЬ...

Девочка Маргарита Анисимкова родилась в 1928 году, в селе Ивделе Свердловской области, в доме своей бабушки, по матери Чудиновой, Клавдии Петровны. Родители — потомственные крестьяне, предки которых были крепостными Демидовых. Отец новорожденной Кузьма Дмитриевич Бекин и мать Татьяна Сергеевна были рады первенцу. Дочка росла фантазеркой и выдумщицей.

Писательница Маргарита Анисимкова родилась в 1961 году, когда опубликовала книгу «Мансийские сказы». До своего второго рождения она была учителем географии, директором Дома пионеров, заведующей отделом культуры Ивдельского района. На этот же период времени пришлись замужество, рождение сына.

Из привычного окружения заставило уйти решение обкома партии направить М.К.Анисимкову заведовать отделом культуры Ханты-Мансийского округа. Это событие принесло большие перемены в ее жизнь. Следующие десять лет Маргарита Кузьминична посвятила студентам национального педагогического училища — учила истории Югорской Земли. С открытием студии телевидения начала работать старшим редактором студии общественно-политических передач. Но больше всего любила писать. Север завораживал... Повесть «Оленья долина» — плод первых лет жизни на земле белых ночей.

...1972 год. Она покинула маленький деревянный Ханты-Мансийск и приехала в город большой нефти — Нижневартовск. Чтобы найти героя своего времени — нефтяного Павку Корчагина. Стремясь встретить высокую мечту в жизни, пошла работать в вышкомонтажное управление. Но промышленного романа не получилось. Павла Корчагина, в полном смысле, по Николаю Островскому, не нашла. Слог писателя, лирически-художественный, никак не соприкасался с железом, его лязгом и скрежетом.

Со временем родилась художественная повесть «Лицом к ветрам». В серии сказов поведала о встрече людей тайги и рек с новой цивилизацией.

...В тиши ее рабочего кабинета находит пристанище история, к ней подвела личность Ваули Пиеттомина, человека из легенды. Изучение огромного материала позволило создать образ национального героя.

Маргариту Кузьминичну не удовлетворяет поверхностное изучение обычаев, верований... Не один месяц провела она в архивах Москвы, Тобольска, Омска, Тюмени. Ваули позвал в дорогу, и она едет на Ямал — Родину своего героя.

Маргарита Кузьминична Анисимкова.
В тиши ее кабинета нашла пристанище история

Разнообразие жанров, в которых выступает писательница, поразительно: статьи, эссе, сказы, повести, романы. В каждом из них — свое время, своя география.

О Петре Великом пишут триста лет. Столько же и о его любимце Александре Меншикове, генералиссимусе из народа. Многое про него известно. Но посвященные Меншикову страницы больше и чаще рассказывают о восхождении его «из грязи да в князи». В прямом смысле... А вот обратный путь мало известен. Об этом и ведет рассказ М. Анисимкова в романе «Порушенная невеста». И не только о нем, но и о послепетровской России.

После смерти царя Меншиков каждый день собирается что-то свершить, отдать всего себя во славу России и делает шаг, но во славу себя: дочь Марию обручает с малолетним внуком Петра I. Чем все закончилось, видно из названия романа. Рухнуло все: величие Меншикова, его планы породниться с Романовыми, надежды на престол. А Мария все же обрела свое счастье. Любовь к князю Федору помогла преодолеть страшный путь в Сибирь.

В книге нет сцен грандиозных битв, грома пушек. Роман интересен еще и тем, что история в нем обращает взор на человека. Конец же «повести печальной» потрясает: Александр Меншиков, не видя больше смысла жизни, отказывается от нее, заживо себя хоронит. Судьба князя — судьба России. Творим, воюем, укрепляем, потом уничтожаем, хороним, возрождаем.

Читая книги Маргариты Анисимковой, ощущаешь историю как искусство. Недаром в рецензии на новый роман «Плач гага-

ры» написано, что история как чистый факт не воспринимается, она нуждается в уверенной руке художника.

Кредо писательницы — строки Н А.Некрасова «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». С этой позиции она и смотрит на мир. Бывают времена, когда Маргарита Кузьминична меняет «квалификацию» — пишет общественно-политические статьи. Признаком человека всегда являлась и является высокая нравственность и культура души, считает она. Маргарита Анисимкова — и поэт, и гражданин. Она не может быть равнодушным свидетелем всех социальных и политических передряг нынешнего общества. Имеет четкую позицию, независима в выражении своих убеждений и следует им. Не все из окружения писательницы одобряют ее выбор, не все соглашаются, но никто не упрекнет в том, что она «переметнулась». Она всегда верна гражданскому долгу и руководствуется в своих поступках глубокой верой в порядочность человека.

Все, что создано, написано, трудно делить на периоды. Маргарита Кузьминична творчество считает единым процессом. «Когда есть веретено, то на него умелой рукой не спеша укладываешь нить. Одно вытекает из другого. Один герой притягивает к себе другого».

И это веретено бесконечно в работе, сотканное полотно зовет автора в музеи, архивы, дорогу. Ее творчество энергично. В нем взрыв человеческого горя, отчаяние и стремление к счастью. Она погружается в самые потаенные бездны человеческой души. И мы, читатели, ей верим.

Из разговора с Маргаритой Кузьминичной можно выделить примерный круг близких ей поэтов, прозаиков нашего города:

— Самая дорогая моему сердцу — новая поросль молодых поэтов. Это Валерий Акимов и Евгений Браверман, Татьяна Джарты и Альбина Кузьмина, Владимир Мазин, Павел Плюхин и многие другие.

Всех их, людей разных убеждений и взглядов, разных профессий, объединило поэтическое слово. Все они — выходцы из литературного объединения «Замысел», созданного при центральной библиотеке нашего города, у истоков которого стояли Татьяна Воробьева, Игорь Кириллов, Ольга Мицлер, а теперь — Альбина Кузьмина. С легкой руки Маргариты Кузьминичны многие из них издали сборники стихов. Каждому она дала доброе напутственное слово.

Маргарита Анисимкова во многом категорична. Случай нечасто определяет жизнь, тем более творчество, считает героиня моего очерка и вдохновения не ждет. Слово порой рождается в муках.

— Я верю прежде всего в себя, знаю свои силы, возможности, я не смогу прыгнуть выше своей головы, но то, что мне дано Богом и предначертано судьбой, сделаю. И тут я не уподоблюсь ни шестикрылыми Серафимами, ни другими сверхъестест-

венными созданиями, потому что в основе всего лежит труд. Культура, поэтическое слово всегда жило и будет жить. И в трудное время человеческое слово является поддержкой и вселяет уверенность в завтрашний день.

Воображение — вот ее божество. Кто видел платья «от Анисимковой», со мной согласится. Я называю это «эквилибристикой на грани возможного». Ханты́йские наряды цвета неба, травы и солнца в сочетании с иссиня-черно-зеленым бисером похожи на кусочки северной природы. И все сделано своими руками. Знакомство с ее модой тонизирует ничуть не меньше, чем общение с ней.

— По натуре я оптимист, мне многое в жизни кажется смешным и несуразным. Я никогда не ищу черных пятен, они мешают мне жить и работать, но всем хочу видеть красивое. А грущу я тогда, когда у меня мало работы. Вот закончила «Плач гагары», поставила точку... и так разревелась! Мне жаль расставаться со своими героями, потому что в процессе работы они становятся частью тебя самой. Ведь с ними надо прожить жизнь. Любить, ненавидеть, страдать, влюбляться, разочаровываться.

Маргарита, старшая в семье, в юности дала зарок: «Будут дети, никогда их не буду будить». Детей двое — сын Петр и дочь Надежда. Подрастают внуки — Кузьма и Алеша.

— Мальчики современные, своенравные, нуждаются в постоянном контроле. Считаю, что детей нужно приструнивать.

«Рыцари мои!» — так называет мальчишек строгая бабушка. Ходит в доме по струнке, редко дожидаясь сентиментов, и кот Маркиз.

Разговор переносим в гостиную. Маркиз лениво следует за хозяйкой, в душе он жалеет себя: маловато лавров достается, а, между прочим, заслужил, ведь портреты котов XVII-го и просвещенного XVIII-го веков писаны с него — черного, с горящими глазами Маркиза.

Много в доме картин, книг. Мое внимание привлек роскошный портрет хозяйки.

— Это работа Игошева,— пояснила Маргарита Кузьминична.— Мой любимый художник. Он и «Ваули» иллюстрировал.

Дом всегда выдает характер владельца. У Анисимковой уютно, основательно. Комфорт без претензий.

— Что значат в вашей жизни друзья?

— Друзья и любовь для меня одно и то же. Дети — главное. Их друзья — мои друзья. Те, с кем дружим уже 35 лет, живут в Ханты-Мансийске, Свердловске, Ивделе. А здесь из близких — Мартины, Лемешевы, Шумихины. Они знают мой характер, чувствуют мое настроение, и потому с ними мне легко.

— Вам знакомо чувство досады, сожаления?

— Люблю профессионализм, не признаю «мелкотравия». Сожалею, когда идет смакование интима великих мира сего. Раз-

дражает пошлость, небрежность языка. Язык — существо мистическое: он жестоко мстит за совершенные над ним кощунства.

— Что бы вас могло больше всего обрадовать?

— Хочу добра своему народу, хочу нашего единства. Хочу, чтобы люди не искали на стороне виновных в своей судьбе, а сами бы творили себя.

Меня поразила непритязательность ее личных мечтаний: ♦Вот бы истоки рода Строгановых найти...♦. Самые упоительные путешествия для нее — в библиотеки, архивы. Туда ведет жажда впечатлений, желание прочитать, расшифровать древние рукописи, написанные купоросом, отчего строки, ♦испаряющиеся♦ с каждым веком, становятся невидимыми. И хорошо бы побывать в родовом гнезде — любимом Ивделе, где изобилие полевых цветов, деревьев и тишины.

ГДЕ НЕТ ПОРЫ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ...

Принимая решение написать статью о Любови Артуровне Додоновой, я наивно полагала, что достаточно хорошо знаю, о чем буду писать. Более двадцати лет я наблюдаю за обширной деятельностью этого человека. У нас одни воспоминания о суровом и необыкновенно нежном Ямале. Будучи заведующей гороно она побывала не на одном моем уроке. Учебно-воспитательный комплекс, в который переросло педучилище, стал моделью единого образовательного пространства. У нее учатся от мала до велика. С ее именем в педагогическом мире связана концепция программы: чему и как учить. Она — реформатор. Личность. Однако именно это обстоятельство поставило меня в затруднительное положение: что же главное в этом замечательном человеке, смогу ли я в рамках очерка показать все богатство и сложность этой творческой натуры?

Любовь Артуровна Додонова, почетный гражданин города

Решаюсь еще раз побывать в храме науки, руководит которым уже много лет Любовь Артуровна, и поговорить с нею самой, с десятками людей, давно и недавно знающих ее.

Вхожу в колледж. Но с таким же успехом можно было бы сказать: «Вхожу в картину». Ибо оказываюсь буквально внутри невидимой трехэтажной объемной картины, где розовые водопады стекают со стен-гобеленов, витражи мысленно уводят во времена Ярослава Мудрого, умопомрачительные абстрактные картины возвращают в сегодня.

Любовь Артуровна беспредельно занята — время расписано, можно сказать, по минутам.

Голос, взгляд, жесты — все в ней энергично, твердо. Но интонация, глаза, улыбка становятся иными, когда речь заходит о прошлом.

— Любовь Артуровна, все мы родом из детства. Вспомните свое детство, исторические корни. В школе вы, наверное, хорошо учились?

— Да, можно сказать, отлично. Но свое признание среди сверстников получила благодаря тому, что любила шутить, добивалась справедливости. Надеюсь, что читатели поймут меня, и расскажу об организации побега двух классов через... школьное окно. Это был примерно 55-й год. Училась я тогда в десятом классе в деревне Паново, недалеко от Ишима. Приехала к нам в школу молодая учительская семья. Он — завуч, она — учитель географии. Вечно ругались между собой. После очередных семейных разборок в журнале у всех — единицы. Как-то «разведка» доложила — ругались всю ночь, глаз не сомкнули. После короткого митинга, организатором которого, конечно, была я, мы и сиганули в окно. А там — весна! Черемуха в своем белом буйстве. Хорошее было время!

— Выходит, учителей вы недолюбливали?

— Как же я могла не любить учителей, если учитель — это, можно сказать, мой Бог с детства! Учителю я поклонялась и мечтала стать им, и только им.

— А как начинался ваш путь в педагогику?

— Вы как историк можете представить сибирскую деревню в 50-е годы. Рабский труд. Имея птицу и скотину, в селе все равно жили впроголодь. Государство забирало все. Мама сказала: «Хочешь быть человеком — будешь. А мне некогда, доченька». Вот я и стала педагогом самой себе. После окончания восьми классов поехала в Омск поступать в педучилище. Да дядя отправил домой — заканчивать десятилетку.

— Как складывалась ваша биография дальше?

Последовала непродолжительная пауза. А потом Любовь Артуровна стала рассказывать больше не о себе, а о Марии Иосифовне, в чьих руках оказалась судьба девушки. Последний вступительный экзамен в Ишимский пединститут — немецкий язык. А была война — в дом пришла похоронка на отца. Как и многие, Люба объявила бойкот всему немецкому, и языку тоже.

Очень тихо Мария Иосифовна на экзамене сказала: «Ставлю «три», но обещай, что в первом семестре пересдашь».

Так с единственной тройкой в дипломе закончились студенческие, в общем-то веселые и незабываемые годы.

Затем был Ямал. Земля, где нет поры опавших осенних листьев. Откуда им взяться? Из деревьев — карликовые березки да лиственницы с мягкими иголками. Зато — прозрачность воздуха, северное сияние, цветущая тундра и дети! Дети оленеводов, на долгие девять месяцев оторванные от родителей, и чаще всего — насильно. Им и стала Любовь Артуровна другом, мамой, доктором и... теплом.

Ямальские сугробы

Из воспоминаний Павла Тимофеевича Московкина, заслуженного врача РСФСР:

«Любовь Артуровну знаю с тех пор, когда она работала директором Новопортовской школы-интерната. В 60-е годы в Ямало-Ненецком округе обязательным было всеобщее обучение детей коренных национальностей — ненцев, ханты, манси, селькупов. Школы-интернаты округа были переполнены ими: на сдвоенных кроватях спали по три-четыре ребенка. Поэтому самое серьезное внимание уделялось соблюдению санитарно-гигиенического режима, профилактике паразитарных болезней (педикулеза), проведению профилактических прививок против дифтерии, кори, скарлатины... Думаю, ей нелегко было. Кругом одни проблемы. Одна из них, причем, немаловажная — уголь, дрова. Помню случай: в одном из интернатов кончился уголь, жуткий холод, и для того, чтобы дети не переохладились, директор ночью поднимал детей и бегал с ними по комнатам.

В гостях у Любови Артуровны был однажды проездом. Маленький домик. Вечер прошел в кругу ее небольшой семьи. Горячий крепкий чай и тихая беседа. Любовь Артуровна — молодец! Сильная женщина».

— Кто же первым поверил в молодую учительницу, открыл талант руководителя?

— Валентин Иванович Костецкий, заведующий Ямало-Ненецким окроно. Удивительный человек. Первая встреча произошла в августе 1960 года, когда я, «зеленая» учительница, прибыла на Север. То было время становления школьных интернатов нового

типа. Кадрами руководила область. При назначении даже на самую маленькую должность учитывались возраст и опыт.

Валентин Иванович, в отличие от многих, делал ставку на молодых, вот и направил меня как новоиспеченного педагога старшим воспитателем в Ямальскую школу в Яр-Сале, где я стала преподавать литературу и историю.

Через два года героиня нашего рассказа стала уже заведующей Ямальским районо. Пришлось поработать. Север стал для нее жарким.

— Главная забота — истопить печь и — на работу. Дочь Татьяна, как и многие учительские дети, выросла на руках у друзей. Не раз по местному радио звучал вопрошающий тревожный голос: «У кого Татьяна? Отзовитесь!». Чаще всего нянькой был ныне известный в области ведущий хирург-уролог Владимир Любарский. А то, бывало, интернатский Петька Вануйто кричал: «Любов Арутовна! Ваша Танка в Об ныряет».

Рассказ про дочек подвел к вопросу о семье, счастье.

— Я счастливая женщина,— говорит Любовь Артуровна. — Счастье — это любимая работа и хорошая семья. Я с радостью иду на работу и с радостью возвращаюсь домой.

Любовь Артуровна безумно любит внуков, многое им прощает, балует, поступает порой непедагогично. На то они и внуки: чего не хватало детям, пусть получат они.

Из воспоминаний Антонины Петровны Сущей, директора средней школы № 6, заслуженного учителя школы РСФСР, почетного гражданина города:

«Это был теплый осенний день двадцать один год назад. Информация о возможном заведующем гороно будоражила коллектив, да и меня тоже. Представлялась строгая классическая дама со сдвинутыми бровями, почему-то с указкой. Думалось: кто же будет указывать, как нам жить?

Вошла женщина, очень красивая, интеллигентная. Покорила вниманием, с каким ко всем и всему относилась, и умением выслушать. Глаза излучали доброту.

И вот уже 21 год шагаем мы по свету белому, чувствуем локоть друг друга на расстоянии. Ей дано быть руководителем от Бога. Дипломатичность и мудрость, и скромность — все в ней!»

«Слово об учителе»,— так назвала свое эссе Вера Матвеевна Винокурова, единомышленник и сподвижник.

«Считаю, что жизнь на Севере, работа в школе, руководство народным образованием в Нижневартовске в конце 70-х и начале 80-х годов обогатили Любовь Артуровну новыми впечатлениями. А решение сложных задач и проблем, таких, как внедрение научной организации труда учителя и ученика, повышение роли кабинетной системы в учебно-воспитательном процессе, проведение аттестации учителей, создание системы методической службы в городе и школах, закалили ее характер, обострили лю-

познательность, восприятие тех новых идей и мыслей, которыми живет сейчас народное образование.

Высокая культура, независимость, природные дарования, широкая эрудиция, постоянное самосовершенствование, блестящее знание своего дела, умение привлечь к содружеству ученых, интересных, умных специалистов — все эти качества делают личность Любови Артуровны уникальной и неповторимой».

Да, она щедро одарена природой. На красивом, выразительном лице выделяются лучистые серые глаза. Очень обаятельна. Самой великой тайной Любовь Артуровне считает музыку, ведь она рождает в душе такие эмоции, которые не может пробудить даже слово. Больше всего любит Владимира Спиваков, Анну Герман, Жанну Бичевскую...

У нее прекрасная библиотека. Перечитывает Ефремова. Размышляя над происходящим, читает публицистику. Восхищается и уважает Маргарет Тэтчер. Из Любови Артуровны тоже был бы хороший политик: просчитывает ходы далеко вперед, как шахматист. Хотя шахматы, коллекционирование и прочие увлечения ей чужды. Вот лес, дача — это ее. Душа рвется к березкам, первым зеленым побегам.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает — каждый новый день на директора «накатывает» гора работы. Ее жизнь — это, в первую очередь, труд. Так было в начале ее пути, так продолжается и по сей день.

Рассказывает Надежда Георгиевна Буркова, заместитель директора по учебной работе Нижневартовского педагогического колледжа:

«Такого уникального заведения, как наше, больше нет в стране. С чего началось? Было педучилище — хорошее, стабильное. Но стало ясно, что еще год, два — и наши выпускники будут невостребованы. Тогда на базе училища мы и открыли колледж — центр многопрофильной подготовки. Поэтому на вывеске написано «Высшее педагогическое училище (колледж)».

Уникальность его в том, что мы заботимся о детях с первого класса и растим их до студентов, которые еще несколько лет социально защищены. Обеспечиваем право студента на непрерывное обучение. На базе нашего колледжа работает лаборатория по коррекционно-развивающему обучению. Научный руководитель лаборатории — доктор педагогических наук, профессор Галина Федоровна Кумарина.

Есть у нас экологическая школа. Открыто представительство университета Тихоокеанского побережья. Два раза в год приезжают сюда преподаватели, читают лекции, принимают экзамены у студентов-заочников.

Также сотрудничаем с 1992 года с педагогическим институтом. Готовим специалистов по сквозным учебным планам.

Думаю, что система «педколледж—педвуз» свои плоды уже дает. Хотя проблем очень много. Любовь Артуровна по этому поводу говорит: «Мозги трещат. Может и не весело, но интересно».

Любовь Артуровна любит вспоминать первые годы нижневартовской эпопеи. Роман Иванович Кузоваткин, Григорий Михайлович Кокуевицкий, Ян Михайлович Малинский...

Жить в то время было безумно интересно. В образовании складывались новые технологии. Требовалось все больше школ, детских комнат, кортов, стадионов. Хуже нефтяников работать было просто нельзя. Помогал коллектив директоров школ: Антонина Петровна Сущая, Любовь Максимовна Арзамасцева, Вера Ивановна Кирпичникова, Евгения Михайловна Малинская.

Новое время породило новые заботы. В эпоху «перемен» было невыносимо тяжело, но ее детище, образовательное учреждение нового типа, вместо режима выживания, перешло в режим развития. Дом, входя в который, забываешь все на свете, спасает от беспредела внешнего мира. В нем ей спокойно душой и думается легко.

А мне вдруг вспомнился анекдот от Ю.Никулина: «Умер учитель и попал в ад. Ему говорят: «Как же так? Учитель, гуманная профессия, столько добра сделал. Ваше место в раю». А он отвечает: «После стольких лет в школе мне ад покажется раем».

Из сочинения студентки Саши Петровой:

«В колледже есть и бассейн, и два тренажерных зала, и зал акробатики, а захочешь поиграть в компьютер — хоть заиграйся в трех компьютерных залах. А какие здесь грандиозные праздники устраиваются! А еда в столовой! А ведь организовала нашу жизнь Любовь Артуровна. Видим мы ее редко — как ангел-хранитель спустится на землю, одарит всех своим покровительственным взором, вручит библиотеке 300 экземпляров книг и исчезнет в прозрачной дымке забот, светлым ореолом окружения»...

Такой портрет получился заслуженного учителя школы РСФСР Любови Артуровны Додоновой.

Не знаю, удалось ли нам показать весь масштаб этой личности, всю духовную силу и красоту замечательной женщины. Но мы все старались.

УЧИТЕЛЯ — НАЦИЯ, ШКОЛА — ГОСУДАРСТВО

Беру перо в руки и не знаю, каким будет первое слово. Эта женщина зовет к мысли.

Она — заслуженный учитель РСФСР, директор школы. Почетный гражданин города. Ловлю себя на том, что хочу сказать все: и о душе, и о деле Мастера, но боюсь упрека в излишней субъективности. Поэтому обращаюсь к Денису Чукчееву, моему бывшему ученику, теперь выпускнику философского факультета МГУ. Излагаю проблему:

— Денис, с философской точки зрения раскрой тему: «Город—школа—директор—ученик».

Через три дня по факсу получаю ответ: «Городу двадцать пять. Празднику. Школе — почти четверть века. Тоже празднику. Школа — маленький город, государство в государстве. Его представляет пирамида, сходящая на острие.

В городе — мэр (или по-русски удачнее—голова). В школе — директор. Хозяин. Государь. Начало и конец. Средоточие. Наконечник копья.

Ворота школы открыты широко. И каждый год с окрестных домов приходят дети, новые дети. Школа открыта им и для них. И маленький человек, попав сюда, становится гражданином маленького, но крепкого государства, которое станет его домом, радостью, болью — на десять лет.

Он маленький, еще несмышленыш, ему нет дела до иерархии — я, мой класс, моя дорожка до школы, мой портфель.

Но рядом — вселенная школьного организма, замкнутая на директоре. И директор знает, помнит, думает, неотступно думает о маленьком человеке.

Каково ему: не устает ли, успевает, все ли понимает, не обижают? Печалится, если плохо,— как самый заботливый родитель. Переживает жестче, сильнее любой суматошной мамаши. У мамы — одно чадо. У директора — сотни. И все — родные, роднее родных.

Слова не подобрать. Просто вслушаемся как первого сентября директор тихо скажет, взглянув на выстроившихся первоклашек: *«Мои дети»*...

Первый звонок... И начинается каторга. Ежегодная. Добровольная. Бессрочная. Безжалостная. Невидимая. Неоцененная. Директор — большая мишень. Готов ударить каждый. Повод найдется. Проблемы сплетаются в клубок, часто ядовитый. Его не раскрутить одному директору. Не разрубить. Клубок огрызается, жалит. Пугает малодушных, которые могут злобно бросить директору: «Почему Вы не...?».

Действительно, почему не ...? Ведь директор — главный, острие пирамиды; поэтому он виноват во всем — даже в затмении Солнца, которое случится через сто лет.

А маленький человек разучивает азбуку, не чувствуя упреков и обид, нацеленных самому главному своему Учителю — директору. Человек мал. И слава Богу.

Но скоро подрастет. И тяжесть выживающей вместе с остальной Россией школы коснется и его. И еще долго решать маленькому человеку, кто прав, кто виноват, и стоит ли валить все: безденежье, свистопляску учебных программ, разброд в Министерстве и финансовые беспорядки — на одну, седую и усталую, голову директора, скорым мнением распятого за подвижничество.

Антонина Петровна Сущая, заслуженный учитель школы РСФСР, почетный гражданин города

А директор любит, заботится, учит, не рассчитывая на понимание, тем более похвалу. Потому что есть странная штука — долг. Потому что надо учить детей. Потому что есть совесть и позабытая ныне честь. Потому что человек. Не с большой буквы, без пафоса. Просто человек — звание самое почетное среди людей. Другого не дано.

Пора приоткрыть завесу. Город — Нижневартовск. У школы номер — шесть. Директор — Антонина Петровна Сущая. Когда смотришь, как по утрам бойкая вереница ребятишек стекается к школе, на душе становится весело. И крепко веришь, что будет хорошо. Что будем жить. И наши дети. И наши внуки. Есть еще, не затерялись, не запропали удивительные русские люди, такие, как АНТОНИНА ПЕТРОВНА СУЩАЯ.

Постскриптум: Не много ли получилось? Извините за почерк. Если что не так — тоже простите. Рад был побольше написать об Антонине Петровне, но, увы, совершенно не знаю ее биографию. Денис. Москва. 11.02.97 г.*.

Если хочешь узнать душу человека, нужно побывать на его родине. А жизнь Антонины Петровны началась в селе Масальском, Упоровского района, Тюменской области. Село окружали леса, луга. Многотравие. Небесная синь. Одним словом — доль зауральская.

Основали село князья Масальские, сосланные «кажись, Екатериной Второй, из Калужских земель» — поведала своим детям знаток жизни и русского языка, мать немалого семейства Евдокия Кузьмовна.

Детство — камертон всей жизни человека. Его можно было назвать безоблачным и даже счастливым, если бы не война, гибель отца — офицера Петра Емельяновича Иванова — на Брянщине. Затем — семилетка в Суерке Упоровского района, школа старших вожатых в Свердловске и Тюменское педучилище. Начало педагогической деятельности — Суерская школа, куда первоклассницей пришла и Фрида Губина, ныне учитель немецкого языка второй школы.

Каждый человек отражает историю. Если он богат идеями, если работает творчески — биография такого человека исторически значима. Так считает и Вера Матвеевна Винокурова, соратник и друг Антонины Петровны: «Есть на берегах рек маленькие роднички, которые постоянно живут в труде, выбрасывая из земли свою живительную струйку, раздвигая донные песчинки, мешающие бойкому току выходить к свету. Таким человеком-родничком была и остается учитель литературы, директор школы Антонина Петровна Сущая. Еще в 60-е годы, когда она приехала работать в единственную школу в поселке, я увидела в ней ту невидимую, но реальную силу, которая отличает творческого человека. Мне кажется, что я до сих пор ощущаю дым пионерских костров около нашей деревянной первой школы, слышу знакомые мотивы прекрасных пионерских песен, вижу блеск радостных и торжественных детских глаз и искры от костра, высоко летящие в вечернее небо».

Антонина Петровна — женщина примечательная. Небольшой рост, изящная фигура, короткая стрижка, серые глаза. Обладает великолепным вкусом и чувством стиля в одежде.

К моменту создания своей шестой школы она располагала двадцатилетним стажем работы. Учитель, завуч, директор в первой школе, устойчивое положение в театральном мире Вартовска. В роли Мерчуткиной старожилы помнят ее по сей день. Играла она молодых, привлекательных, иногда змееподобных очаровательниц. Ей было подвластно все — и комизм, и трагизм, и простая реальная жизнь. Чтобы сыграть кулацкую дочь, пришлось перевоплотиться в женский характер. Любовника, не без смущения играл ученик десятого класса Беляков Юра. В другом спектакле за официанткой-разведчицей ухаживал белогвардейский офицер — любимец детворы, красивый, молодой, не унывающий учитель физкультуры — Николай Николаевич Бударин.

С театром Антонина Петровна не расстается и по сей день. Она режиссер школьного театра. В классе у доски писателя не познать, потому что только сцена может принести горячую ра-

дость, рассказать правду. Всегда весело смотреть на Антонину Петровну на репетициях, она не бывает скучной, унылой, расстроенной.

Зал школьного театра — особый зал. В нем — и детвора, и учителя, люди строгие, ищущие в искусстве пользу воспитательной силы. Но смех — веселый, открытый — стирает все возрастные грани, превращает зрителей в одну семью. Здесь учат настоящей, самоотверженной любви — к человеку, к родине, к профессии. «Она учит быть достойными любви, быть равными в любви, быть в любви щедрыми»,— говорят о своем педагоге ученики.

Как руководитель, Антонина Петровна обладает поразительным качеством — находится в постоянном поиске «кадров» для своей школы. Не обязательно единомышленника, главное, чтобы умел учить и был человеком. И таких она нашла в лице Н.Ф.Салимуллиной, М.Т.Калгановой, А.М. и С.Ф.Примайчуков, Т.А.Шарохиной, Г.Н.Черноскутовой, Н.А.Сережкиной, Н.Г.Анисимовой, Т.П.Чуркиной. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что костяк сподвижников уже был: Н.С.Биятова, Т.А.Агрицкая, Р.К.Мирясова, Н.Н.Будорин. Есть и свои династии: Коваленко, Сретенцы.

Скульпторы говорят: «Работаю голову», «работаю торс»... Антонина Петровна «работает ученика», а кроме всего учит работать молодых коллег. Знаю многих, кто уже опытный учитель, а до сих пор прислушивается к ее советам.

Лепит она добротно, надолго. Учитель, несмотря на свою прочность, очень нежный материал, поэтому «лепка» начинается с советов. Со временем «молодняк» превращается в учителей со своим почерком: это Р.Назарова, О.Бердникова, А.Пятанова, Г.Долгина, Л.Матаева, Г.Шарамова. Кое-кто из них учился в первой школе.

Желание написать о родной школе созрело еще летом, но в суматохе школьных дней это никак не удавалось. И вот в один из февральских деньков мне дана аудиенция на целых четыре часа. Разговор начала Антонина Петровна:

— Не рано ли? Школе 25 в будущем году будет.

Ее вопрос меня не смутил и после некоторой паузы выдаю:

— **Нет не рано. Ведь школа начинается с фундамента. Когда Вам предложили стать директором, сразу согласились?**

— Согласия не спрашивали. Как получилось? Первая школа осталась без директора, без окон, дверей и даже стен. Разобрана по бревнышкам. Скоро сентябрь. Я — завуч. Звонит Татьяна Петровна Мартынова, председатель райкома профсоюзов, и говорит, что меня вызывает Владимир Дмитриевич Салмин: «По предложению Мартыновой мы Вас назначаем директором школы № 1». Это был 1968 год. С их легкой руки я стала директором и шестой школы.

— Женщине собрать школу по бревнышку — дело трудное. Но искусство обучать, воспитывать возникает только там, где талант директора соединен с талантом учителя. Все же риск был?

— Да! Но меня окружали люди, которые смотрели на жизнь со знанием дела, юмором, сочувствием, они сами были воплощением жизнелюбия, стойкости, смелости. И сейчас ими остаются. Коллектив воспитывает директора, и я за это благодарна. У Веры Матвеевны Винокуровой училась мудрости, у Константина Григорьевича Нигая — быть «дядей строгих правил», у Сергея Федоровича Соловьева — дипломатии, у Ии Николаевны Звягиной — быть на волне настроения.

— Хороший хозяин живет «про запас». Ваш стратегический запас мозгов?

— Школа — страна контрастов. Попавший сюда имеет дело с совершенно особенным государством. Полным больших и маленьких открытий и населенным весьма колоритными персонажами. Прежде всего это завучи. Когда тучи — они могучи. И в самые светлые дни без них никак. Я зову их атлантами: Надежду Серафимовну Бинтову, Нартиссу Фатыховну Салимуллину, Надежду Алексеевну Сережкину. Бумаги, документы, кропотливая работа, аттестация учащихся и учителей — это Раиса Николаевна Титаева. Графики, компьютеры, расписание — это Владимир Алексеевич Осадчий. Ключи, краска, стулья, крыша — это Екатерина Ивановна Черняевская. Никогда я не беспокоилась о том, как пройдет линейка, фестиваль, семинар. Всегда была уверена — на высшем уровне. И если беседа с самым трудным, колючим ребенком,— будет тихой, доверительной, пусть при закрытых дверях. За это отвечала и отвечает Лариса Михайловна Радькина. Сейчас она возглавляет социально-психологическую службу школы по проблемам ребенка. И молодежь меня радует: призовые места на олимпиадах, конкурсах, вот и финал пробивается команда КВН. Благодаря Алексею Михайловичу Беляеву и в мире о нас знают. Пробили окно в Европу — мячом. Сильные биологи: Вера Борисовна Александрова, Петр Иванович Солнышкин.

— Бывает, что Вас не понимают?

— Не понимают по-русски, говорю на немецком, английском. И этому меня научили мои иностранцы: Лариса Николаевна Колоколова, Надежда Петровна Ломбина, Нина Викторовна Писарева, Вера Ивановна Биняева.

— Школы страдают от того, что неизвестно как изучать целые периоды советской литературы...

— Думаю, что у нас этой проблемы нет. Интеллект и опыт таких учителей, как А.Н.Ужих, Н.А.Михайлова, Г.М.Иванисова, помогают решить этот несомненно сложнейший вопрос.

Французы говорят о женщинах, американцы о деньгах, учителя о школе. А хочется просто о человеке.

Рассказывает Любовь Артуровна Додонова:

«...Мне предстояло работать в Нижневартовске. Ни родных, ни знакомых. Сергей Федорович Соловьев, первый секретарь окружкома партии, дал напутствие: «Приедешь в город, найди маленькую женщину большой школы».

Лидия Николаевна Паукова, начальник управления народного образования: «Шестая школа на слуху у города. У них, что ни учитель — то личность: Ушакова Галина Николаевна, Удорцева Галина Михайловна, Сазонова Валентина Ивановна. Ну, а Антонина Петровна — МАЭСТРО, и благодаря таким, как она, реки не выходят из берегов. В ней — гибкость ума, надежность».

Справа налево: Галина Николаевна Ушакова, Антонина Петровна Сушая, Марина Сушая. *Фото В.Горшенина*

Лидия Алексеевна Мурашко, директор школы: «Когда в 1980 году приехала «на разведку» в Нижневартовск, первым человеком, который предложил мне работу в своей школе была Антонина Петровна. Но обстоятельства сложились иначе. И тем не менее, мы работаем вместе. Помню наше первое знакомство. Глядя на эту элегантную, ухоженную, всегда подтянутую женщину, я часто думаю, каким же почетом должен быть окружен, сколько участливого внимания должен получать человек, который беззаветно отдает жизнь городу.

Дивчина-пионервожатая — вчера, мудрый специалист — сегодня. Народные истоки Тони Ивановой определили самобытную личность Антонины Петровны Сущей».

Лариса Звегенцева, выпускница, врач, вспоминает: «Какая? Строгая. Всегда неожиданная. По виду невозможно было определить, что ждет — взбучка или ласковое слово. Сама я на выпускном не была, но друзья переда-

Летчик-космонавт СССР Б.В.Волынов — гость нефтяников Самотлора

ли, что на вечере директора не было, а была женщина в красном, которая под «Белую черемуху» всех перетанцевала».

Рассказ об Учителе совпал с праздником. 9 марта 1997 года городу двадцать пять. Праздник города начинается с его истории. С истории палатки, первого дома, улицы. Антонина Петровна — свидетель, на мой взгляд, очень важного события: пребывания в нашем городе космонавта Бориса Волынова, полковника, дважды Героя Советского Союза.

— Когда и как это было?

— Оле, моей дочке было пять лет, значит, «корабль» с космонавтом приземлился в Нижневартовске в 1969 году. Звонит Салмин: «Срочно! Встреча с космонавтом Волыновым. Нужны пионеры с цветами. Жили мы тогда в старом Вартовске. Сорвали мы цветы с клумб Сосниных, Зубрилиных, Карелиных, сели на катер и по воде прибыли к клубу «Юбилейному». Ольга, как самая маленькая, с букетом маргариток, побежала на сцену, где стоял Волынов. Таких цветов никто никогда ему не дарил. Он взял букет из маленьких рук и поцеловал кроху.

Конечно, космонавт понимал, что нет дороже и краше этих цветов на всей земле, но и люди суровой, холодной земли знали, что у них в гостях впервые человек такого полета.

А.П.Сущая — человек не простой, нельзя сказать, что скрытный, хотя тайнами и своими переживаниями не спешит делиться со всеми.

— Друзья. Их у Вас много?

Помнишь, у Ахматовой: «Сердце успокоят правильным дыханием, а черные мысли верой в друзей». Больше всего верю детям, внукам, это мое главное содружество. Родные мне, пусть не по крови — Вера Матвеевна Винокурова, Любовь Артуровна Додонова, Людмила Николаевна Ильбахтина.

— Любимое время года?

— Все. Чуть меньше зиму люблю, уж больно длинная.

— Чему научила Вас профессия руководителя?

— Собранности. Не избегать сложностей. Надо уметь ставить диагноз. Самое горькое лекарство — для ребенка или взрослого — наказание. Мать может пожалеть, классный руководитель, директор не имеет права. Профессия научила ответственности.

— Счастье? Любовь?

— Все было. И любовь, и разочарование, и радость от ощущения счастья, и предательство. Странно, Цветаеву люблю, а не ум опять же Ахматовой строчки пришли. Видимо, ближе они мне:

> От других мне хвала — что зола,
> От тебя и хула — похвала.

Конечно, счастье — это любовь.

— Знаю, чувствую, что Вам не хочется в этом разговоре касаться политики. Поговорим о самой большой ценности, как говорил Сент-Экзюпери, ценности общения.

— Когда я была совсем молодой, мне казалось, что чем человек старше, тем труднее к нему подступиться. Жизнь показала совсем другое. Умные, интересные люди всегда просты, с ними легко. Мне всегда везло на таких людей. Это — Клара Зиновьевна Довиденко, Надежда Павловна Старкова, Евдокия Петровна Максимова, Надежда Константиновна Мартина, Инна Федоровна Османова, Юлия Алексеевна Шлапачук, Лидия Алексеевна Мурашко. Тонкие, умные, душевные, прекрасные. Они полны энергии, разных планов. Нас объединяет и то, что все мы директора. Мы сильные, хотя так хочется быть по-женски слабыми, а от этого и счастливыми.

Учителю никакие похвалы не заменят главного, не избавят от чувства тревоги и пустоты, возникающие сразу же, как только закончен учебный год. От этого чувства избавиться можно единственным способом: начать новый год, новый урок. В добрый путь, учитель, директор!

ЖЕНЩИНА ЗЕМЛИ ЮГОРСКОЙ

Как выглядит наше время — очевидно. А вот каким оно было раньше? Об этом расскажет старожил нашего города Татьяна Ивановна Фадеева.

Чем дальше уходят годы, тем больше мы их ценим. Поэтому вечерний телефонный звонок моей бывшей соседки Надежды не удивил, но заинтересовал: напиши о нашей маме.

Я сразу согласилась. Татьяну Ивановну знаю давно. Поразительной искренности человек. Женщина, влияющая на свое окружение: она спокойна — и все спокойны, она кипит — и все кипят. В шутку называю ее: шестая статья Конституции былых времен — руководящая и направляющая сила общества. Общество — ее семья: пять дочерей, сын, четыре зятя, одна сноха, двенадцать внуков, два правнука.

Татьяна Ивановна Фадеева с внуком Артемом

— Теща для многих, а вот свекровь — только моя. Лучшая в городе,— поведала Катерина, жена единственного сына Владимира.

«О теще любимой замолвит словечко» ее зять И.Н.Ясько:

«Зятьев у Татьяны Ивановны, как и положено, ровно столько, сколько замужних дочерей. Стало быть, нас у нее четверо. Она полноправно пользуется учтенной любовью всех нас.

Да и как не любить ее? Каждому найдет доброе слово, всем поможет. Из своей обычной пенсии она умудряется молодым, здоровым и «богатым» дочерним мужьям занять сотню-другую до получки. Если печет вкусные блинчики — обязательно на кого-либо из зятьев рассчитывает.

Готовит она превосходно, разнообразно и вкусно. Причем в меню полно блюд, приготовленных из овощей, выращенных ее руками на даче. Только-только выглянет весеннее солнце, а Татьяна Ивановна уже закупает семена, готовит рассаду, хлопочет вовсю. Тогда достается другому зятю — Анатолию Спасенникову, обладателю семейных «Жигулей» и первому подручному Татьяны Ивановны по даче. Все лето она в круговерти: пропалывает, поливает, выращивает, собирает урожай, осенью закрывает соленья.

В свои 74 года она мало кому из молодых уступит в количестве собранных ягод и грибов.

— Да я бы уж давно согнулась, если бы всю жизнь не работала,— говорит она.

Вот вам и сибирский долгожитель! Кто скажет, что на Севере их нет, пусть побеседует с Татьяной Ивановной.

К самому первому зятю, Владимиру Трапезникову, у нее отношение особое, хотя говорит, что для нее все одинаково равны. Ее «первенец» — шутник и балагур, над розыгрышами и шутками которого она всегда потешается и прощает их.

Самый младший зять, Салават Исянгулов, далеко от нее, в Тюмени. Это резерв Татьяны Ивановны, ее тыл. Видится она с ним реже, чем с нижневартовскими зятьями, только когда приезжает в областной центр. Но и здесь, дома, она с теплом отзывается о младшем.

В общем, все мы ее любим, ценим, помогаем, шутим с ней, а иногда над ней, вместе грустим. Трудные годы прожила она на Севере. Тяжелый крестьянский труд, воспитание детей сделали ее крепкой, жизнестойкой и мудрой. Вот такая наша теща Татьяна Ивановна. Спасибо ей за все. От всех четверых зятьев».

Мы встречались и беседовали много раз.

В первый день Татьяна Ивановна подробно рассказывала мне о своей небогатой крестьянской семье, где мама печет хлеб, папа с братьями рыбачат, сестры ягоду собирают. В душе ее живет горячая привязанность к своей родине — деревне Нахрачи Кондинского района Ханты-Мансийского округа. Здесь она родилась в 1923 году. «Семья была большая, крепкая. Кроме промыслов, занималась скотоводством. Для себя имели две коровы. Голода мы не испытывали, отец был работящий, где-то в 26-м переехали в поселок Алтай по Конде, где прожила я до 16 лет»,— вспоминает Татьяна Ивановна. Патриархальной жизни соответствовала и почти нетронутая цивилизацией могучая природа. Каждое лето ездили за брусникой далеко от деревни, за болота и озера, в страшную тогда глушь. Эти походы за ягодой многое давали живой, впечатлительной душе подростка. Первую поляну, раскинувшуюся на склоне согры, одетую в брусничник, она запомнила на всю жизнь. Сколько было потом ковров, алых от брусники, клюквы, желтых от морошки,— и не счесть.

«В то время в Алтае не было магазина. Ягоду, рыбу возили в Тобольск на ярмарку. Оттуда — муку, и на этом жили. Родители старались нас, детей учить. До 4 класса учились в Красном Яре, за двенадцать километров от родительского дома. Бесплатно. Затем отец отправил в Нахрачи учиться, оттуда, спустя два месяца, я и сбежала. Помню, что жила на квартире у семьльных, которых в свое время поселили в нашей бане. Мать, кродучись от отца, то булку хлеба им даст, то рыбу. Хорошие были люди, но в тринадцать лет так потянуло домой... Папа сказал: не хочешь учиться — работай. Со старшим братом послали в тайгу в хан-

тыйскую деревню Согом, что рядом с деревней Нюркой. Зимой рыбачили, брат пешней лунки пробивал, а я лед выгребала. Так и чертомелила бы всю жизнь, если бы не случай».

А случай определил всю жизнь: где-то в 40-х годах в Нохрачах создали группу в 36 человек и отправили на курсы счетоводов в Ростов-на-Дону. Добрались до Тобольска, а потом уж и до Ростова. В 16 лет она закончила курсы. Всю группу «доставили» в Ханты-Мансийск и распределили по колхозам счетоводами. Татьяна Ивановна попала в деревню Ермак, где начало сразу самостоятельно работать, вышла замуж, сменив девичью фамилию Денисова на Фадеева. Там же дала начало новому роду. Родилась Ада — первенец. Она-то и знает, вернее, помнит, маму молодой-молодой: «Всегда в строгом платье, туфли на каблучке, в непогоду — ботики с замочком, черные волнистые волосы. Она у нас красавица. Держала всех в строгости. Но никогда не кричала, никого не била. Даже Вовку-соню уговаривала тихим журчащим голосом вставать. Помню, в 53-м году она работала ночами — делала ревизию — и на заработанные деньги купила патефон. Как-то прибегаю из школы — мама гладит в такт музыке: «Ой, товарка моя Тоня...». Сколько помню, ее всегда звали по имени и отчеству».

Жизненное пространство молодых Фадеевых не ограничивалось Ермаком. Были Болчары, Кордики, Лорьяк и, наконец, поселок Вартовский. Муж Афанасий Ермилович работал председателем колхоза, директором маслозавода, стоял во главе заготконторы, Татьяна Ивановна — бухгалтером, счетоводом, в пошивочной мастерской. В ее нарядах вартовчане и работали, и в вальсе кружились в клубе.

Рассказывая о былом, Татьяна Ивановна свободно переходит от одной темы к другой. Однако есть основной стержень, на который нанизаны воспоминания. Это повествование о себе, о своей и вартовчан жизни.

«Многие держали коров, лошадей. Работать на покосах подряжали и ребятишек. У старшего Фадеева были способности большие — укрощать лошадей, ставить их под наездника. Со скотом хлопот, бывало, не оберешься. Когда вода затопляла луга, коров приходилось перевозить за Обь и каждое утро и вечер плавать доить. До работы и после работы. Однажды на лодке-кедровке повезли нетель за Обь, привязали, она вдруг забейся, лодка перевернулась, корова на тот берег поплыла, а нас понесло... у поворота мужика Бог послал, он и спас».

Сенокос — событие из рядовых, но на душе всегда был праздник. Фадеевы брали литовки, грабли. Впереди глава семьи, за ним Татьяна Ивановна, Ада, Зина, Володя, Нина, Надя, Люба. Косили в таком же порядке. Младшие вели наблюдения и смеялись над Ниной, идущей за всеми вприсядку.

В старом Вартовске царил дух полного бескорыстия. Никакого почтения к материальным благам и жизненным удобствам.

Разве что история электрического столба поколеблет это утверждение. В эпоху электрификации поселка Фадеев-старший постановил: «Разрешу ставить столб на моем огороде при условии освещения дома». До 70-х годов замков не знали, дверь поленом приставляли. Все же жили богато, считает героиня моего повествования: «Обыденная пища: мясо — лосятина, дичь — утки, глухари, куропатки, тетерки. По праздникам — копылуха с меченой брусникой. Рыба была всякая: нельма, осетр, стерлядь, муксун. Фаршировали щуку, хая не ели. Бывало, домашние скажут: «Надоела эта нельма, давай, мама, щуку. В кладовке — всегда десяток осетров, а икры — ведра стояли».

Главное же богатство — люди. Мудрые, веселые, бесхитростные и с хитринкой, умелые и «рукова спустящие»... Интеллигенция — учителя, врачи. Много добрых слов сказано об учителях школы без номера, что стояла на Первомайской, Вере Матвеевне Винокуровой, Валентине Степановне Ильченко, Антонине Петровне Сущей, Иване Никифоровиче Западнове. Директором был Михаил Иванович Питер. Врачи — Вера Федоровна Калганова, Василий Сергеевич Балахонов.

Татьяна Ивановна много времени, сил отдавала общественной работе: была секретарем, затем депутатом сельского Совета, председателем которого в 70-е годы был Владилен Петрович Каргополов, райфинотделом заведовал Иван Михайлович Чекмарев. Рядом с конторой, у «Горбатого» (магазин, крышу которого сгорбатили еще при строительстве), находился прорабский ремонтно-строительный участок. Начальник — Александр Александрович Фогельгезанг, главный прораб — Геннадий Федорович Волков, мастер — Виктор Витенко.

Вот таким было время. А люди и сейчас здравствуют, работают. Татьяна Ивановна довольна своей судьбой и не представляет себе другой жизни, считает, что предназначение любой женщины — любить, быть любимой, иметь семью и растить детей, внуков, правнуков. Внуки — ее надежда и главная любовь в жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В работе над книгой очерков, посвященной прошлому и настоящему Нижневартовска, автором использованы материалы архивов Тобольска, Тюмени, а также документы личного архива — письмо, фотографии времен Первой мировой войны, последующих этапов истории Отечества; комплекты сибирских газет, журнальные публикации дореволюционных и современных авторов: П.Ситникова, Ю.Прибыльского, Л.Кондрашевой и других.

Важными историческими источниками, свидетельствующими о далеком прошлом народов Среднего Приобья, о нефтяной эпопее, на гребне которой возник наш город, о его людях, являются воспоминания жителей Нижневартовска, ныне здравствующих: Т.С.Поех, П.Т.Московкина, А.А.Мазура, В.М.Винокуровой, Н.К.Мартиной, Н.С.Биятовой, В.Д.Родионова, А.П.Сущей, М.К.Анисимковой, Л.А.Додоновой, Т.И.Фадеевой, людей разных профессий и судеб.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАБВЕНИЕ ВСЕГДА НЕСПРАВЕДЛИВО 3

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ УЛИЦ 9

ХРАНИТЕЛИ ТАЙН 13

В АДОВОМ КОТЛЕ ИСТОРИИ (Рассказ об одной судьбе в письмах) 17

БОЛЬ СВОЕГО ОТЕЧЕСТВА 22

НЕ СОЙДЕТ С ЗЕМНОЙ ОРБИТЫ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК 27

НЕ БЕЗ ЖЕНСКОЙ ПОМОЩИ МУЖЧИНЫ ОБУЗДАЛИ САМОТЛОР 31

ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ С СЕЛЬСКОЙ БОЛЬНИЦЫ 35

ВРЕМЕНА РОМАНТИКОВ НЕ ИСЧЕЗАЮТ БЕССЛЕДНО 41

«НАРАСПАШКУ ПРОЖИТЫЕ ГОДЫ» 46

ЧЕЛОВЕК, ЖЕНЩИНА, ПИСАТЕЛЬ 53

ГДЕ НЕТ ПОРЫ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ 58

УЧИТЕЛЯ — НАЦИЯ, ШКОЛА — ГОСУДАРСТВО 64

ЖЕНЩИНА ЗЕМЛИ ЮГОРСКОЙ 72

Библиографическая справка 76

Массово-политическое издание

Майорова Ольга Александровна

ГОРОД НИЖНЕВАРТОВСК ОСНОВАЛИ МЫ

Директор Издательства *Р.А.Бурханов*
Заместитель директора Издательства *И.А.Кононов*

Редактор *Е.Б.Кононова*
Художник обложки *М.В.Кузнецов*
Корректор *Е.Б.Канакова*

В книге использованы фото *О.А.Майоровой, Ю.С.Филатова, Ф.Ф.Гильмутдинова, В.Н.Горшенина*

ИБ № 039

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020742 от 02 марта 1993 года.

Сдано в набор 14.04.97. Подписано в печать 12.05.97.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1 Гарнитура Школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. листов 5,00+1,00 вкл.
Уч.-изд. листов 5,29. Тираж 1000 экз. Заказ № 186.

Издательство Нижневартовского педагогического института
626440, Тюменская область, г.Нижневартовск, ул.Ленина, 56

Отпечатано с готовых диапозитивов на издательско-
полиграфическом предприятии «Уральский рабочий»
620219, г.Екатеринбург, ул.Тургенева, 13

Выражаю искреннюю благодарность за помощь в издании этой книги Главе администрации г.Нижневартовска Ю.И.Тимошкову и газете "Местное время" в лице В.М.Пятыровой и Т.В.Мотошиной

Автор

Ольга Александровна Майорова родилась в поселке Гыда Ямало-Ненецкого автономного округа. Край трескучих морозов, черных и белых ночей заворожил навсегда...

Древнейшая земля угров дорога автору и своей историей. После окончания Тюменского государственного университета в 1974 году О.А.Майорова приезжает в Нижневартовск работать учителем истории.

С первых лет работы она стремится наглядно и образно показать духовные ценности, обычаи и нравы народа, чтобы страницы учебника истории имели прямое отношение к нашим дням. С годами накапливался материал впечатлений от встреч с людьми, собирались документы. Так возникла потребность рассказать об

Книга О.А.Майоровой — результат [illegible] и основательных раздумий — сложилась из очерков, посвященных самым многообразным сторонам жизни Нижневартовска. Книга содержит [illegible] материал, редко встречающиеся факты, относящиеся не только к судьбам Нижневартовска, но и Среднему Приобью, иногда Северу Сибири в целом.

Эта книга предназначена для тех, кто хочет глубже знать многострадальную историю Сибири, определить истоки духовности, нравственности и веры. Книга поможет пробудить у нового поколения людей жизненные силы, энергию, стремление изучать историю своего края и дела людей, живущих на Югорской земле.